

Сергей Могилевцев

Собачья жизнь

Сергей Могилевцев

Собачья жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156567

Аннотация

Веселая комедия, действие которой происходит во дворе маленького южного города на берегу моря. В доме живут две семьи, глава одной из которых, Иосиф Францевич Заозерский, по общему мнению считается полным придурком. Это и понятно – в семье не без уroda! В то время, когда вся женская половина этого тихого двора занята делом, то есть торгует на рынке, сам Заозерский шатается с собакой по берегу моря, и совершает великие научные открытия. Самой собаки не видно, но из-за сцены время от времени раздается ее веселый и радостный лай.

Содержание

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	7
Явление первое	9
Явление второе	15
Явление третье	20
Явление четвертое	30
Явление пятое	40
Явление шестое	47
Явление седьмое	51
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ	59
Явление первое	60
Явление второе	64
Явление третье	69
Явление четвертое	73
Явление пятое	80
Явление шестое	89

Сергей Могилевцев

Собачья жизнь

комедия в двух действиях

Веселая комедия, действие которой происходит во дворе маленького южного города на берегу моря. В доме живут две семьи, глава одной из которых, Иосиф Францевич Заозерский, по общему мнению считается полным придурком. Это и понятно – в семье не без уроды! В то время, когда вся женская половина этого тихого двора занята делом, то есть торгует на рынке, сам Заозерский шатается с собакой по берегу моря, и совершает великие научные открытия. Самой собаки не видно, но из-за сцены время от времени раздаётся её веселый и радостный лай. Заозерский же во время своих прогулок с собакой придумал великую теорию «всемирного роста камней», и даже послал заявку на изобретение во французскую Академию. Разумеется, за подобную наглость он был наказан родственниками и соседями, и целый год провел на излечении в психушке. Каково же было всеобщее изумление, когда через год, когда, казалось бы, справедливость восторжествовала, и псих Заозерский возвратился из психушки домой, во дворе тихого домика появляется почтальон, и приносит огромный конверт, украшенный печатями и вензелями. Оказывается, из Парижа, из са-

мой французской Академии, Заозерскому прислали письмо с патентом на его великое изобретение. Кроме того, рассматривается вопрос о принятии Заозерского во французскую Академию, и этого придурка срочно приглашают в Париж! Все, разумеется, в шоке.

Пьеса вошла в короткий «Антибукеровский» список за 1999-й год.

*Камень сильнее золота, серебра и железа.
Восточная мудрость.*

УЧАСТВУЮТ:

И о с и ф Ф р а н ц е в и ч З а о з е р с к и й, в недавнем прошлом учитель географии, ныне человек неопределенных занятий, 41-го года.

А н т о н и д а И л ь и н и ч н а, его жена, еще недавно учительница младших классов, торгует на рынке, 38-ми лет.

Н и н е л ь Ф р а н ц е в н а Б р и т о у с о в а, его сестра, по образованию медработник, давно уже торгует на рынке, 40-ка лет.

О к с а н а, его дочь, независимая особа 16-ти лет, учится в школе.

Г р и н ь к о А р к а д и й, ее друг, бывший курсант морского училища, 19-ти лет.

К о з а д о е в В а с и л и й П е т р о в и ч, сосед Заозерских, в прошлом моряк, ныне человек неопределенных занятий,

48-ми лет.

Полина Матвеевна, его жена, домохозяйка-инвалид, 44 года, торгует на рынке.

Андрей Викторович Байбаков, бывший профессор физики из Москвы, сейчас в отпуске по сокращении штатов, отдыхающий, 61 года от роду.

Бронислава Львовна, его жена, 59-ти лет.

Почтальон.

Собака за сценой.

Место действия: ничем непримечательный городок на берегу Черного моря. Между первым и вторым действием прошел ровно год.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Южный двор на склоне холма, над которым уступами поднимаются такие же небольшие дворы, так что вверх уходит бесконечная панорама потемневших от времени крыши, покрытых то красной черепицей, то досками или фанерой; везде, где возможно, видны фиговые деревья, грецкий орех, лавр и смоковницы. В глубине сцены большой деревянный дом, вдоль фасада которого протянулась веранда; посередине веранды лестница из нескольких ступенек, спускающаяся во двор, к которой сбоку приткнута большая собачья будка; крыльцо поддерживается двумя деревянными столбами, давно некрашенными и достигающими крыши; веранда обнесена деревянным бордюром с перилами; слева и справа по двери и по окну; левую половину дома занимает семья З а о з е р с к и х, правую – семья К о з а д о е в ы х; посередине двора клумба с цветами и длинный стол, вдоль которого расположены две вкопанные в землю скамьи; рядом на веревках сушится белье; двор обнесен старым деревянным забором; с левой стороны в заборе – калитка, ведущая прямо на улицу; на веранде около каждой двери – стол, стулья и необходимые предметы южного обихода: газовая плита, лопата, спиннинг, лыжи на антресолях, рыбацкая сеть, полочки, шкафчики, посуда и прочее; стол посередине двора общий; собачья будка принадлежит семье З а о з е р

с к и х.

Летнее утро. Веранда и двор пустые. Издалека доносится лай собаки.

Явление первое

С улицы во двор заходит И о с и ф Ф р а н ц е в и ч; в руке у него старая спортивная сумка, наполненная чем-то тяжелым; он возбужден, весел, с размаху бросает сумку на стол, кричит, обращаясь к оставшейся за калиткой с о б а к е, но рассчитывая, очевидно, и на иных, невидимых до времени с л у ш а т е л е й.

И о с и ф Ф р а н ц е в и ч.Ого – го – оо! жучка моя, вот мы и дома! добрались наконец-то, разлюбезная моя лохматая псинка, подружка моих печальных, неласковых дней; побегай пока по улице, покрути хвосты несчастным уличным шалопаям, попугай радостным лаем зазевавшихся случайных прохожих, порезвись на воле в свое удовольствие, отведи свою душеньку, как и положено обычной уличной шавке, ибо твоему хозяину сегодня не до тебя; у твоего хозяина сегодня найдутся дела поважнее! резвись, собачка моя, радуйся летнему погожему дню; радуйся солнцу, морю и ясному синему небу; потому что скоро наступит осень, и радоваться будет уже нечему, разве что только воспоминаниям о безвозвратно ушедшей веселой поре; когда оба мы, беззаботные и красивые, бродили по окрестным полям и лугам, внимая звукам Божьего мира, а также краскам его, запахам и всему остальному; приветствуя его, этот мир, тем, чем наделила

нас от рожденья природа.

С улицы раздается веселый собачий лай.

Лай, жучка моя, лай, не щадя ни уха, ни сна ленивых обитателей этих Богом забытых трущоб, этих авгиевых, наполненных старым хламом, заросших фигами и лавром конюшен, со спрятанными внутри них старыми сонными клячами, которые сейчас, попомни мои слова, не преминут явить миру и кесарю свои мерзкие лошадиные морды.

Окно в квартире Заозерских со скрипом открывается, и из него выглядывает сонная и недовольная голова Антониды Ильиничны.

Антонида Ильинична (*спросонья, злым голосом*). Ты чего это, старый козел, кричишь здесь ни свет ни заря; ты чего это добрым людям спать не даешь?

Иосиф Францевич. Ага, проснулась, не заставила себя долго ждать, сразу же выглянула, как только упомянул я про мерзкие лошадиные морды; явилась – не запылилась, как говорят добрые люди, когда увидят они явление необычное и из ряда вон выходящее; а ведь ты, Антонида, вне всякого сомнения, – явление необычное и из ряда вон выходящее; что, разве не так? не может быть, чтобы я ошибался, ведь это же надо было придумать, – только упомянул я про

мерзкие лошадиные морды, которые обитают в этих забытых Богом конюшнях, как ты – раз, два, словно чертик из табакерки, – сразу же и выглянула из окошка; или из стойла, или еще из чего, не знаю уж, как и определить это райское место, этот шалаш под синими небесами, этот вертеп под лазоревым небом, в котором ты, Антонида, проводишь бессонные длинные ночи, высчитывая, как бы на завтрашний день полвечее прийти в свой рыбный ряд, и побойчее разложить на прилавке свои вонючие, вздущиеся от солнца селедки.

Антонида Ильинична (*привычно-равнодушно, зевая*). Ах ты, мерзавец!

Иосиф Францевич (*кричит*). От твоих селедок, любезная Антонида, провонял уже весь наш великолепный вертеп! Я, законный твой муж и супруг, не могу уже ночью мирно и тихо обнять тебя за тонкую талию, и вынужден ночевать где-то на берегу, на откосе, под сенью лавра и раскидистых миндальных деревьев, потому что вся твоя осиная талия, все твои прелестные тонкие ручки, ножки, и все остальное так провоняло мерзким селедочным духом, что подойти к тебе ближе, чем на километр, я, Антонида, увы, не могу! не могу потому, что воротит меня от твоего застойного рыбьего духа, и вынужден я, вместо того, чтобы честно исполнять свой законный супружеский долг, ночевать у моря в обществе верной лохматой псины, от которой тоже, конечно, пахнет, но не так, как от тебя, любезная Антонида!

Антонида Ильинична (*продолжая зевать*).

Ах ты, подлец!

И о с и ф Ф р а н ц е в и ч (*немного помолчав, нерешительно*). Кончила бы ты, что ли, продавать на рынке свою селедку, пошла бы опять в школу, в младшие классы, приносить детишкам хорошее, доброе, вечное; глядишь, Антонида, я бы опять тебя полюбил.

А н т о н и д а И л ь и н и ч н а (*перестав зевать, в крайней степени возмущения*). Ах же ты, старый козел! Это от кого несет рыбьим духом, так что не в состоянии исполнять он свои законные супружеские обязательства? Это кто должен опять вернуться в нищую школу, на нищенскую зарплату, приносить сопливым детишкам хорошее, доброе, вечное? а ихние мамыши, значит, в это же самое время займут мое место в рыбном ряду? законное, отвоеванное ценой крови и пота? и вместо меня будут людям продавать керченскую селедку, чтобы хоть как-то пополнить свой скромный бюджет, свою семейную прохудившуюся казну; чтобы хоть что-то купить своим сопливым, ни на что не годным оборвышам, чтобы немного их приодеть, да приобрести, да накормить сытным куском, чтобы не были они похожи на тебя, злостного оборванца, да на твою паршивую рыжую суку, с которой ты целыми днями гуляешь вдоль берега моря, словно какой-то драный кобель, себе на посмешище, и мне на погибель?

И о с и ф Ф р а н ц е в и ч (*весело*). Не бранись, Антонида, я не шатун, и не драный кобель, а свободный философ и наблюдатель природы; и жучка моя не паршивая сука, а

великолепная породистая собака, мой верный друг, который один у меня и остался; вот если бы ты, Антонида, вместо того, чтобы под видом керченской сельди продавать на рынке тухлую кильку, которую берешь ты у разных жуликов и перекупщиков, сопровождала меня в моих ежедневных походах вдоль моря, я бы тебя носил на руках!

Антонида Ильинична (*показывая кукиш*). А этого, мерзавец, не хочешь?

Иосиф Францевич (*с досадой*). Да, куда тебе, порода не та! нет в тебе, Анто-нида, тех благородных и древних кровей, тех жизненных и стремительных соков, которые бурлят в жилах этой собаки; нет в тебе, Антонида, породы, воспитанной тысячами поколений стремительных и отважных созданий, спутников рыцарей в вересковых шотландских холмах, загонщиков кабанов и оленей в заповедных королевских лесах, ловцов волков, зайцев и лис в графских охотах снежной и морозной Руси, – нет в тебе ничего такого, похожего на азарт, на погоню за счастьем, за истинной, за красотой; нет потому, что выродилась ты, Антонида, растеряла свою былую породу, за которую я когда-то и взял тебя в жены; а потому вынужден я один ходить среди своих пустынных берегов, в мучительных поисках единого закона природы и красоты, и никого, кроме моей лохматой подружки, не будет у меня еще долгие годы!

Антонида Ильинична (*в крайней степени возмущения*). Это у кого пропала порода? это у кого из керчен-

ской сельди превратилась она в тухлую кильку? Это у меня превратилась в кильку порода, это я не ловила в королевских лесах медведей, лис и косуль? Это меня ты когда-то приветил и полюбил, а теперь, значит, отрекаешься в пользу своей рыжей суки, которая тебе ассистент и жена в поисках истины, и вместе с которой ты в конце концов отыщешь главный закон вселенной? ну погоди же у меня, старый облезлый козел, морская блоха, погонщик медуз, медведей и зайцев, охотник на кабанов, лисиц и слонов, сейчас я до тебя доберусь! сейчас я покажу тебе зеленые вересковые пастбища; сейчас я покажу тебе графские королевские развлечения; сейчас ты узнаешь, как с такими искателями красоты разговаривают у нас в рыбном ряду! *(Пытается закинуть ногу на подоконник и выбраться на веранду через окно.)*

И о с и ф Ф р а н ц е в и ч *(смущенно)*. Антонида Ильинична, ведь есть для этого дверь! при твоей-то комплекции
...

А н т о н и д а И л ь и н и ч н а скрывается в комнате, слышны звуки опрокидываемой мебели и приглушенные крики: «У нас в рыбном ряду таких искателей истины и красоты...»; «Да ты мне за подобное наглое оскорбление...»; «Это у меня, значит, порода пропала...»; «Это у меня, говоришь, не керченская селедка, а у других, значит...» и пр.

Явление второе

Открывается окно в квартире К о з а д о е в ы х, и из него показывается взлох-маченная со сна голова П о л и — н ы М а т в е е в н ы. Она возбуждена словесной перепалкой соседей, радостно оглядывается по сторонам, предвкушая, очевидно, скорое продолжение.

П о л и н а М а т в е в н а(радостно). Что за шум, а драки нет? по случаю чего, дорогие соседи, кричите вы так сильно, что муж мой, заслуженный моряк Козадо-ев, вообразил себя вновь капитаном дальнего плавания, и вместо того, чтобы спать до обеда, и видеть сны о бурях и штилях, вот-вот появится здесь следом за мной? что не поделили вы между собой, отчего, дорогая соседка Антонида Ильинична, так сильно бранишь ты Иосифа Францевича?

А н т о н и д а И л ь и н и ч н а(выходя на веранду, все так же раздраженно). Да как же не бранить мне его, дорогая соседка и товарка Полина Матвеевна, если этот неотесанный и несносный болван утверждает, что моя керченская селедка, которой торгую я в рыбном ряду, на самом деле не селедка, а килька; купленная якобы у скупщиков-перекупщиков, которые вместе со мной травят ни в чем не повинных людей! Да как же могу я мириться со столь наглыми утверждениями; как могу не возмущаться, не пытаться помешать наглым

речам?

Полина Матвеевна. Твоя правда, Антонида Ильинична, – назвать керченскую селедку поддельною килькой, которой травишь ты ни в чем неповинных людей – это значит застрелить тебя в самое сердце; это значит рассказать о столь страшном секрете, про который никому, кроме нас, бедных торговков рыбой, да еще некоторых скупщиков-перекупщиков, у которых мы покупаем эту самую тухлую кильку, решительно неизвестно.

Антонида Ильинична. Неизвестно, Полина Матвеевна, совсем неизвестно!

Полина Матвеевна*(продолжает)*. Да ведь и то сказать – чем бы жили мы, бедные и несчастные торговые женщины, сидящие с утра и до вечера на местном вонючем базаре, ворочающие тяжелые рыбные бочки, мокнущие под дождем, изнывающие под знойным июньским солнцем, терпящие обвинения дотошных, не в меру любопытных клиентов, – чем бы жили мы в это подлое время, если бы не шли на этот обман; если бы действительно под видом селедки не продавали тухлую и лежалую кильку, от которой отказались даже голодные, вечно недовольные чайки? от которой, если уж честно сказать, за версту воняет так сильно, что только лишь мы, закаленные в различных баталиях войны, можем переносить эти стойкие местные ароматы; которые, по прошествии времени, становятся для нас столь же привычными, как запах французских духов для некоторых столичных ко-

коток? и кто после этого может нас упрекнуть, может сказать, что наш невинный и такой беззлобный обман достоин осуждения и наказания? кто может бросить в нас камень? кто он, этот злодей и клеветник, покажите мне его, я хочу на него посмотреть; я хочу сама швырнуть в него камень! (*Замахивается воображаемым камнем в сторону слушателей.*)

Антонида Ильинична (*истошно вопит, показывает пальцем на мужа*). Вот он, вот он, подлый и наглый предатель, возводящий напраслину на жену и на ее достойных и верных подруг, с утра и до вечера вкалывающих, как волю, приносящих в дом жалкую, в муках и крови выношенную копейку! вот он, злодей, рассказывающий всем посторонним главный секрет нашего рыбного ряда; вот он, злобный и безответственный негодяй, посмевавший сказать вслух такое, что другие люди не говорят никогда, потому что за раскрытие этой тайны можно больно и дорого поплатиться.

Иосиф Францевич (*весело*). Да, я раскрыл всем вашу страшную тайну, – тайну вашего вонючего рыбного ряда: вы торгуете килькой под видом керченской сельди; вы превращаете мартышек в слонов, – вы, самодовольные и непроби-ваемые местные фокусники, над которыми я, как художник и наблюдатель природы, искренне и от всей души хохочу! (*Начинает смеяться.*)

Антонида Ильинична (*задохнувшись от гнева, не сразу находя подходящее выражение*). А ты... а ты... а ты

собираешь на берегу эти свои ничемные камни! жалкий собиратель мокрых камней, которых уже столько скопилось в квартире, что из них, кажется, можно выстроить целый дворец. *(Язвительно.)* Уж лучше продавать кильку под видом селедки, чем тащить в дом дурацкие камни!

И о с и ф Ф р а н ц е в и ч *(подбегает к столу, раскрывает спортивную сумку, и высыпает из нее кучу разноцветных камней; подбрасывает их над столом)*. Да, вот они, вот они, мои волшебные камни! собранные во время моих ежедневных странствий, моих нелегких трудов и походов вместе с лохматой и верной псиной; во время наших с ней ежедневных мытарств, ночевок под звездным небом, сладких снов у кромки воды, под шум прибоя и радостный ночной вой на луну. Вот они, вот они, простые, ничем непримечательные прибрежные камни, вовсе не драгоценные, вовсе не алмазы, не рубины и изумруды, но такие необходимые для меня, что дороже любых алмазов и бриллиантов на свете. Вот они, вот! *(Черпает пригоршнями со стола разноцветные мокрые камни и в волнении подбрасывает их вверх.)* Вот оно, мое сокровище, моя главная в жизни удача, за исключением, конечно, ее, — моей лохматой и верной подружки *(показывает рукой на пустую собачью будку)*, оставленной мною сейчас там, на улице, за забором, на широких и каменных, ведущих к морю дорожках; ибо надобно вам, почтенные торговки краденой килькой, отважные фокусницы местного рыбного ряда, ревностные хранительницы мерзкого духа его и хулители все-

го прекрасного и чудесного, что есть под луной, – надобно вам наконец-то уразуметь, что все дороги в мире сложены из камней, и все они в конце концов спускаются к морю.

Антонида Ильинична (*с досады плюет*). Пропади ты пропадом со своими алмазами, бриллиантами и изумрудами! пропади ты пропадом со своими камнями, собачкой и морем, которое непременно в конце-концов тебя доконает; мне, если на то пошло, моя пожива дороже; пора, в конце-концов, одеваться и отправляться на рынок; у нас в рыбном ряду палец в рот никому не клади; у нас, ежели зазеваешься, или опоздаешь чуток, вмиг останешься без места и без навара. (*Скрывается в окне.*)

Полина Матвеевна (*вторит ей*). Это уж точно, у нас в рыбном ряду промашки и оплошности никому не прощают; у нас ежели что, вмиг и палец откусят, и бочку с сельдью из-под носа уволокут! (*Также скрывается с глаз.*)

Иосиф Францевич в одиночестве очарованно пересыпает, словно алмазы, с ладони на ладонь, свои мокрые камни.

Явление третье

Открывается дверь в квартире К о з а д о е в ы х, и на веранду выходит В а с и л и й П е т р о в и ч; он не вполне еще трезв со вчерашнего, небрежно одет, но держится молодцом; на голове у о т с т а в н о г о к а п и т а н а белая морская фуражка с кокардой, весьма засаленная и помятая.

В а с и л и й П е т р о в и ч*(простуженным басом).* Здорово, сосед! Все любишь на свое каменное сокровище, все пересчитываешь свой утренний законный трофей, свой ежедневный улов, который вытягиваешь ты со дна синего моря, как вытягивают рыбаки свои тяжелые сети? и как только не надоест тебе собирать эти мокрые кругляши, которые, не спорю, очень ярко блестят на жарком июньском солнце, но, как только нагреются и немного обсохнут, сразу же превращаются в круглые серые голыши; и как только хватает терпения у тебя собирать этот ненужный мусор, который, я с этим тоже не спорю, вполне годен в качестве строительного материала для возведения нового дома, но никогда не сравнится с живой трепещущей рыбой, попавшей в крепкие рыбацкие сети?

И о с и ф Ф р а н ц е в и ч*(радостно).* Не надоест, Василий Петрович, не надоест ни за что!

В а с и л и й П е т р о в и ч*(продолжает).* Уж если

не в силах ты бросить эту бесполезную и пустую работу, то хоть закидывай по утрам одну или две закидушки, таскай потихоньку ершиков и карасиков, все же хоть какой-то улов и навар будет у тебя ко времени возвращения; все же не одни камни принесешь ты домой строгой супруге; эх, дела земные, дела сухопутные! то ли дело ширь океана, плеск волны о борт корабля, крики чаек за широкой кормой, верные друзья в прокуренной тесной каюте, и никакой тебе сварливой жены, никакого бабьего противного визга! (*Смотрит пристально на Заозерского, внезапно смягчается.*) Ну ладно, ладно, чего уж там, давай показывай свои мокрые камни; так и быть, послушаю тебя натошак; тебя как послушаешь натошак, так непременно к завтраку нагуливаешь аппетит; уж больно хорошо ты про свои камня рассказываешь. (*Подходит к Заозерскому и садится на скамью рядом с ним и кучей камней.*)

Иосиф Францевич (*польщенный таким вниманием, суетясь, торопливо*). Да как же не рассказывать про них хорошо, как не восторгаться этим каменным чудом природы? из которого сложены и горы, и глубокие океанские впадины; которое держит на себе и океанские воды, и реки, и все живое, в том числе и ничтожного, смертного и немощного человека? как не восторгаться всем этим сверкающим в полдень великолепием, которое, слегка накрытое прозрачной волной, играет на солнце, как россыпь драгоценных камней? Ты, Василий Петрович, можешь, конечно, восхищаться

океанским простором, криком чаек, пенной струёй за бортом, тесным матросским кубриком, и всем остальным в том же духе, но для меня, поверь, какой-нибудь серый, невзрачный камушек, какой-нибудь круглый голыш с нашего песчаного пляжа, намоченный невзначай теплой волной, вдруг заиграет такими яркими красками, так заискрится на теплом желтом песке, в компании таких же разноцветных собратьев, что, кажется, большего Божьего чуда и невозможно придумать!

В а с и л и й П е т р о в и ч (*добродушно*). Ну-ну, ты уж загнешь, так загнешь; тебя послушать, так все в мире состоит из камней, и нет на свете большего чуда и счастья, чем простой невзрачный булыжник, приткнувшийся где-нибудь на пыльной обочине; поэт ты, Иосиф Францевич, право слово, поэт! и как это только Антонида Ильинична выносит эту твою поэтическую натуру? надо же – камни назвать самый прекрасным, что существует в природе!

И о с и ф Ф р а н ц е в и ч (*горячо*). Да, Василий Петрович, да, именно так! не изумруды, не алмазы, не рубины и яхонты, а самые последние пыльные камни, валяющиеся по обочинам разных дорог, вдоль которых проходим мы равнодушно, устремляя свой взор к иным горизонтам, гораздо дороже мне, чем все сокровища мира; не все золото, дорогой Василий Петрович, что блестит и искрится; иногда и на обочине, и в пыли можно отыскать истинное сокровище; ты только взгляни, ты только присмотришься к ним повниматель-

нее, – как блестят, как играют разными гранями, – не хуже, чем твои алмазы, или рубины! (*Пересыпает восторженно с ладони на ладонь мокрые камни.*)

В а с и л и й П е т р о в и ч (*гудит басом*). Ну, поэт! ну, рассмешил!

З а о з е р с к и й. Но ведь не это, дорогой ты мой сосед Василий Петрович, – не мгновенное преобразование самого последнего, залежалого и забытого камня, возникающее от соприкосновения его с влагой небес или моря, привлекает меня в этой истории; подумаешь – преобразование замарашки в прекрасного принца, превращение ртути в золото, а Золушки – в блистательную принцессу! все это задачи для поэтов, сказочников и алхимиков; меня же, как философа, ведущего по причине семейной неустроенности бродячий, можно даже сказать – кочевой образ жизни, ночующего в компании верной собаки, а частенько вообще в чистом поле, привлекает в этой истории совершенно иное; у меня, как у бродячего человека, к тому же по натуре ученого и зоркого наблюдателя, выработался свой собственный, особенный подход к разным природным явлениям; мне нужно, понимаешь ли, понять душу предмета, душу звезды, душу моря, душу грозы, или вот этого, такого непримечательного, такого, вроде бы, обыкновенного камня; мне важно проследить его зарождение, его стремление вверх, к солнцу и свету, его недолгую жизнь на поверхности нашей планеты и последующее погружение вниз, в глубину, в холод и мрак смерти

и неизвестности.

В а с и л и й П е т р о в и ч (*назидательно*). Ты говоришь о камнях так же, как о растениях, о траве, или цветах; а ведь они, дорогуша мой, неживые; они ведь простые и бездушные камни; они не растут, не размножаются, и не зреют, как хлеб на полях; потому что неживое не умеет расти, а должно спокойно лежать, раз уж уготована ему такая судьба.

И о с и ф Ф р а н ц е в и ч (*радостно*). А вот и не так, а вот и не так! растут, еще как растут, Василий Петрович! (*Оглядывается по сторонам, приглушенным голосом.*) Ты не поверишь, но мной открыт главный закон, главная причина любого движения, любого изменения на земле; в своих бесконечных скитаньях с лохматым другом, – вдоль берега моря, с вечной спортивной сумкой, набитой разноцветными мокрыми кругляшами, – я обнаружил такое, чего до меня не мог обнаружить никто; быть может – только Ньютон в своих прогулках вдоль спелых, отягощенных плодами яблонь, открывший закон всемирного тяготения; но там, у моего великого предшественника, действуют силы небесные, силы космические, силы всемирные; недаром же и закон его называется не иначе, как закон всемирного тяготения; я же открыл силу противоположного направления; я открыл, Василий Петрович, ни много, ни мало, как силу, заставляющую расти обыкновенные камни!

В а с и л и й П е т р о в и ч (*басом*). Расти обыкновенные камни? вот чудеса!

З а о з е р с к и й (*радостно*). Да, да, не смейся, – все каменное, все, имеющее вес и округлость, непременно стремится вверх, к солнцу, свету и жизни; любая каменная песчинка, любой пыльный булыжник, гранитный утес, или гора размером с Монблан непрерывно растут, подталкиваемые изнутри силой роста, не менее могущественной, не менее сильной, чем противоположная ей по направлению сила всемирного тяготения; которая одна и сдерживает растущие камни, ибо в противном случае они доросли бы до Луны и до звезд – было бы там, внизу, на Земле, достаточно каменного запаса; не замечал ли ты, любезный и отважный моряк, как на откосе, среди сплошных ветвей и корней, вдруг ниоткуда, словно из-под земли, появляется камень, за ним – другой, потом – третий, четвертый, десятый? и – пошло, и – поехало! и вот уже сплошной, покрытый камнями склон превращается в сплошной каменный сад; чистое, только что вспаханное крестьянином поле, протянувшееся на километры от горизонта до горизонта, на котором неоткуда взяться камням, вдруг оказывается сплошь усеянное булыжниками; и каждому новому поколению крестьян приходится начинать все сначала; едва отвлечешься, зазеваешься – и вот, новые камни появились из-под земли; выросли из земли; растут великие горы и маленькие песчинки, пробиваясь наверх с глубины нескольких километров; растет Джомолунгма и береговые каменные утесы, которых всего лишь несколько поколений назад не было и в помине на этом месте; просто мал

срок человеческой жизни, чтобы оценить и понять рост Джомолунгмы или утеса у моря; но он, этот недолгий человеческий срок, вполне достаточен, чтобы подметить рост камней небольших, а, значит, понять саму эту тенденцию; понять общий закон.

В а с и л и й П е т р о в и ч (*тем же басом*). Ну, дает! ну, философ!

З а о з е р с к и й (*так же вдохновенно*). Камни, Василий Петрович, сдерживают собой силы всемирного тяготения, которые бы в итоге смяли, раздавили в лепешку всю нашу Землю; они выполняют благородную миссию сдерживания внешнего хаоса, они упорно растут вверх, поддерживая и сохраняя жизнь на Земле; они являются приводным ремнем любого изменения, любого зарождения нового и прекрасного на планете, будь то простая букашка, или царь зверей человек; от камней, в прямом смысле слова, зависит все вокруг нас; не было бы камней, не было бы и жизни; а поэтому закон их непрерывного роста назван мною законом всемирного роста камней; знай наших, Василий Петрович! что там Ньютон, – не одному ему падали яблоки с неба; кое-что можем и мы, простые и бесхитростные искатели истины!

В а с и л и й П е т р о в и ч (*воодушевленный этой мыслью*). Можем, еще как можем!

З а о з е р с к и й (*назидательно*). Великие вещи, Василий Петрович, потому и велики, что на деле оказываются очень простыми; подумаешь – какое-то там спелое яблочко,

упавшее сверху на голову, или булыжник, лежащий в пыли у обочины, в компании таких же пыльных и никчемных камней! но стоит лишь взглянуть на них думающему человеку, как сразу же выходят два великих и прекрасных закона.

Иосиф Францевич, объяснив все с собою, устало вытирает пот со лба, и в изнеможении садится рядом с ним; Козадоев слегка ошарашен откровением Зазерского, какое-то время очарованно взирает на кучу разноцветных камней.

Козадоев (после паузы). Скажи, Иосиф Францевич, а ты рассказывал об этом своем всемирном открытии кому-то еще? не привлекал ли ты к этому делу настоящих ученых? не пытался поверить наукой свое, так сказать, бытовое, сделанное мимоходом изобретение?

Иосиф Францевич (смущенно, зачем-то оглядываясь по сторонам). Да, Василий Петрович, пытался. Я, видишь-ли, послал подробное описание сделанного открытия в Париж, во французскую Академию наук; пусть французы разберутся во всем, что я тут натворил.

Василий Петрович (он поражен). Но почему во французскую, почему не в российскую Академию? В российскую послать было ближе, да и дешевле, в конце-концов! не такой уж ты, извини меня, миллионщик!

Иосиф Францевич. Да, в российскую Акаде-

мию послать было и ближе, и гораздо дешевле; но, знаешь, Василий Петрович, в своем отечестве, как ни крути, пророка все же нет и не будет; вот если бы француз им прислал какой-нибудь, про французские камни, они бы сразу признали его открытие состоявшимся; а тут и камни неизвестно какие, и первооткрыватель не совсем похож на ученого человека. Но главное, конечно, не в этом, главное совершенно в другом. Видишь-ли, мой отважный друг и моряк, в свое время французская Академия отказалась выдавать патенты нашедшим камни, упавшие с неба; то есть, попросту говоря, метеориты; французские академики посчитали, что камни с неба падать не могут; и очень, как ты понимаешь, крупно ошиблись, за что им стыдно и по сегодняшний день; падают камни с неба, дорогой Василий Петрович, падают, и будут падать до скончания века; вот я и подумал – а не побоятся ли французские академики ошибиться еще раз, отказав в регистрации моего земного открытия? не побоятся ли они вновь сесть в лужу, и не зарегистрируют ли закон всемирного роста камней хотя бы из перестраховки; на всякий случай, чтобы потом не кусать локти с досады? Вот потому, дорогой мой сосед, и послал я заявку на сделанное открытие во французскую Академию наук, – не думаю, чтобы столь ученые мужи во второй раз ошиблись столь крупно.

К о з а д о е в сидят с открытым ртом, и не знает, что ответить И о с и ф у Ф р а н ц е в и ч у. Для него все это

необычно и очень загадочно. Впрочем, он и раньше наблюдал чудачества своего собеседника. Мысль о неменяемости Иосифа Францевича приходит на миг ему в голову, но тут же отступает перед ясностью изложенных фактов. Он молчит, открыв рот, и загадочно покачивает головой.

Явление четвертое

На веранду из двери К о з а д о е в ы х выходит ч е т а Б а й б а к о в ы х; на голове у А н д р е я В и к т о р о в и ч а нечто вроде пробкового шлема, а у Б р о н и с л а в ы Л ь в о в н ы – кепочка с непомерной длины козырьком; кроме того, на них модные майки с заграничными надписями и рисунками, дутые кроссовки, похожие на ботинки не то футболистов, не то альпинистов, огромных размеров часы на запястьях, большие солнцезащитные очки, длинные гольфы, ракетки в футлярах, маска и ласты для подводного плавания, надувной матрац, пляжные сумки, и прочее; на фоне крайне непритязательной экипировки о с т а л ь н ы х п е р с о н а ж е й – местные жители одеты кто как может, – наряд этот напоминает оперение попугаев; на оголенных местах, кроме того, у А н д р е я В и к т о р о в и ч а легко читаются татуировки: «Наша наука – лучшая наука в мире!», «Только физика – соль, остальное все – ноль!», «На синхрофазотроне – вперед к светлому будущему!», и прочее, выдающее в нем большого ученого; Б р о н и с л а в а Л ь в о в н а в формах своих округла, мягка, и, кажется, знает о местных ценах не меньше, чем м е с т н ы е к у м у ш к и; в науке, кстати, она тоже изрядно подкована.

Б р о н и с л а в а Л ь в о в н а*(продолжая, очевид-*

но, начатый ранее разговор). А репчатый лук здесь на рынке дороже нашего а два-три раза; тут ежели собрался в поход за репчатым луком, то запасайся сразу корзиною денег, а без этого на местный рынок лучше не суйся! тут, на местном рынке, если у тебя с собой нет целого состояния, нечего и думать о репчатом луке!

А н д р е й В и к т о р о в и ч (*мягко*). Зачем тебе, дорогая, репчатый лук? я бы, к примеру, с удовольствием съел зеленого лука – с селедочкой, с маслицем, с картошечкой отварной (*закатывает от воображаемого удовольствия глаза*); да еще с бутылочкой местного сухого вина, лучше всего «Хереса» или «Алиготе»; ничего нет, душечка, лучше, чем посидеть здесь, во дворе, вечерком, внимая прохладе и звукам старого приморского города; посидеть в компания приятных, милых людей (*окидывает взглядом З а о з е р с к о г о и К о з а д о е в а*), с которыми так хорошо поговорить о разных незначащих пустяках; о погоде, к примеру, или о будущих выборах президента; поговорить, ну и, конечно, покушать селедочки: керченской, налитой, с икоркой внутри, с маслицем, с картошечкой, и обязательно зеленым лучком, порезанным и покрошенным сверху; нет, дорогая, ты что хочешь можешь мне говорить, но об эту пору, когда все в мире цветет, в этом благословенном краю кипарисов, магнолий и свежего зеленого лука, грешно питаться луком репчатым; это, душа моя, не просто преступление против природы, но даже какое-то извращение; и попробуй, если сумеешь, мне

что-нибудь на это ответить!

Бронислава Львовна (*возмущенно*). Как извращение? как не говорить о репчатом луке? Да ведь при этих-то местных ценах никакой зарплаты не хватит, даже твоей бывшей профессорской; особенно если купить про запас, целый мешок, чтобы уж точно дожить до весны; чтобы не бегать по разным соседям, да не просить луковичку до завтра и в долг.

Андрей Викторович (*досадливо морщится при упоминании о своей бывшей зарплате*). Ну зачем же, дорогая, покупать нам целый мешок? достаточно ведь купить просто пучок – зелененького, с картошечкой, с маслом, с легким винцом, в компании приятных людей (*опять многозначительно смотрит на Заозерского и Козадоева*); и потом, Бронислава Львовна, не упоминала бы ты так часто про мою бывшую профессорскую зарплату; в конце-концов, все это временно, произошло по сокращению штатов, из-за слияния трех институтов в один, и когда наступят более благоприятные времена...

Бронислава Львовна (*положив поклажу на землю, уперев руки в бока*). Как это не упоминать про бывшую твою профессорскую зарплату? как это не говорить о слиянии трех институтов в один? да ежели бы не произошло этого слияния, ежели бы не уволили тебя по сокращению штатов, – разве жили бы мы здесь, в этом курятнике? разве же довольствовались бы мы пучком тощего зеленого лука, разве

не закупили бы сразу мешок: репчатого, ядреного, голова к голове; чтобы не бегать к соседкам, как бедные родственники, а чтобы соседки к тебе бегали каждый час, и выпрашивали луковичку то на суп, а то и на жаркое?

Во все время хозяйственных разговоров с у п р у г о в
З а о з е р с к и й и **К о з а д о е в** внимательно и с большим удовольствием их выслушивают.

К о з а д о е в(*не выдержав, деловито*). Мешок лука таможня не пропустит через границу; вот если бы, допустим, полмешка, или даже мешок, но по частям провезти в разных местах вагона, тогда еще может быть; а целый мешок – нет; целый мешок таможня ни за что не пропустит! и не пытайтесь, **Бронислава Львовна**, все равно ничего не получится, только штраф солидный заплатите, а толку все равно никакого не будет; вот ежели, к примеру, полмешка, – тогда дело другое, тогда еще с таможенниками можно договориться; а целый мешок – и не пытайтесь, ничего у вас не получится, только зря деньги потратите.

З а о з е р с к и й(*приветливо, с доброй улыбкой*). Не скажи, **Василий Петрович**, есть способ провезти и полный мешок. Все дело в смекалке, в природной выдумке и находчивости; вот вы мне ответьте, **Бронислава Львовна**, есть ли у вас дача где-нибудь под Москвой?

Б р о н и с л а в а Л ь в о в н а(*растерянно*). Конечно

есть. Андрей Викторович, как заслуженный физик и работник науки, получил под Москвой солидную дачу; и участок у нас на даче хороший, и домик неплохой на участке имеется; слава Богу, не догадались еще, не отобрали дачу по сокращению штатов.

З а о з е р с к и й*(радостно кричит)*. Но ведь это же отлично, что имеется дача! Это ведь отлично, что имеется участок на ней! это сразу решает проблему с таможенной, которой теперь можно вообще ничего не платить, и проблему с пресловутым мешком; да что там мешок, Бронислава Львовна, вы теперь не то, что мешок, вы теперь сто мешков можете спокойно через таможеню переправлять; и ни одна собака, будь она хоть сто раз ищейка, не донюхается и не докопается ни до чего!

Б р о н и с л а в а Л ь в о в н а*(растерянно)*. Сто мешков через границу перевезти? и ни одна таможня не донюхается ни до чего?

З а о з е р с к и й*(радостно)*. Ни одна таможня, повторяю вам, не донюхается и не докопается решительно ни до чего; все дело лишь в смекалке и в научном подходе; я, как наблюдатель природы и свободный философ, могу подсказать вам способ до того оригинальный и безопасный, что вы вообще можете основать в Москве луковую монополию; будете, так сказать, луковая царица и главный поставщик этого овоща для целой столицы.

Б р о н и с л а в а Л ь в о в н а*(она крайне заинтриго-*

вана). Да какой же это способ, Иосиф Францевич, скажите мне его побыстрей; назовите немедленно, не тяните время, не томите душу бедной и разочарованной женщины! (*Рас-терянно.*) Надо же, какой год к вам сюда приезжаем, а вы только теперь о главном решили заговорить!

И о с и ф Ф р а н ц е в и ч (*победоносно*). А вот какой способ: провозить через границу не лук, а его семена; мешочек семян эквивалентен десяти мешкам спелого лука; как провезете, так сразу же на даче и сажаете на участке весь этот мешочек; а к весне, с первыми листьями, получаете вагон отборного лука; и никакая таможня вам теперь решительно не нужна, можете отныне смело плевать на таможню; никто семена отбирать у вас на границе не будет, а как весной лук поспеет, так десять мешков вместе с Андреем Викторовичем и накопаете на зависть соседям; пусть после этого бегают, пусть локти кусают от зависти!

Б р о н и с л а в а Л ь в о в н а (*она не вполне еще осознала сделанное предложение, и не оценила как его достоинства, так и недостатки*). Но ведь это же... но как же можно...

З а о з е р с к и й (*так же радостно и приветливо*). Можно, Бронислава Львовна, можно! можно, если обладаешь научным знанием и предвидением разных природных закономерностей; наука, дорогая вы моя столичная отдыхающая, это та самая сила, которая не подвластна никакой таможне в мире!

А н д р е й В и к т о р о в и ч во время этого гимна науки и природной сообразительности сначала внимательно слушает *З а о з е р с к о г о*, потом решительно ставит вещи на землю, и начинает возражать, в волнении жестикулируя руками и сняв с головы свой пробковый шлем, под которым, кстати, скрывалась необъятная профессорская лысина.

А н д р е й В и к т о р о в и ч (*протестующе*). Но позволете, Иосиф Францевич, причем здесь научный подход? то, о чем вы здесь рассказали, относится скорее к области обычной смекалки; к бытовой, так сказать, непритязательной ситуации; эту задачку, извините меня, любая баба на рынке мигом решит; это к науке никакого отношения не имеет.

И о с и ф Ф р а н ц е в и ч (*лукаво*). Не скажите, Андрей Викторович, имеет, еще как имеет! вот вы, к примеру, кто будете по своему научному званию и недавнему еще положению? до отставки вашей и до сокращения штатов?

А н д р е й В и к т о р о в и ч (*гордо, выпятив грудь*). И до сокращения штатов, и сейчас я являюсь профессором физики и доктором соответствующей дисциплины; я, дорогой Иосиф Францевич, две диссертации в свое время по физике защитил! Я, милый мой человек, являюсь автором трехсот шестидесяти семи публикаций, двенадцати монографий, шести учебников и тридцати четырех зарегистрированных открытий; о чем, смею уверить вас, имеются специальные, удостоверенные печатью дипломы.

Бронислава Львовна. Да, да, все правильно, он по этой самой науке собаку съел, и не одну, а десяток; вы ему, Иосиф Францевич, можете любой вопрос задавать; он вам на любой вопрос как дважды два тут же ответит.

Иосиф Францевич *(все так же лукаво)*. А если вы диссертации по физике защитили, то ответьте мне на такой пустяковый вопрос: может ли обыкновенная килька превратиться в керченскую селедку, и в чем вообще причина такого и других превращений в природе и в мире?

Андрей Викторович *(снисходительно, усаживаясь за стол, расставляя в стороны локти)*. Вопрос для детского сада. Причина всех превращений в природе, а также изменчивости вообще, в том числе упомянутых вами селедки и кильки, заключена в законе борьбы за существование; закон этот открыт Дарвином, и, в частности, из него вытекает, что килька в селедку просто так превратиться не может; требуются специальные условия, изменение климата, быть может даже природные катаклизмы, вроде резкого похолодания и наступления ледников, а также длительный период времени; вопрос, извините, очень простой, его неудобно задавать даже школьникам, я уже не говорю про современных студентов, которые, если пожелают, съедят и проглотят вас с вашими вопросами целиком, даже не поморщась при этом; задавайте, пожалуйста, что-нибудь посложней.

Иосиф Францевич *(ехидно улыбаясь, торжественно и тихо)*. А вот и не так, уважаемый Андрей Викто-

рович; а вот и не так, любезный вы мой профессор с дипломом! вовсе и не нужны эпохи и тысячи лет для превращения кильки в керченскую селедку; ибо жена моя, Антонида Ильинична, производит эту операцию практически ежедневно, с небольшим перерывом на сон и подсчет очередного навара, – на посрамление всех ваших высоких дипломов; что же касается причин изменчивости в природе, то вовсе и не закон великого Дарвина, не борьба за существование изменяют все на планете; не она, эта борьба, воздвигает высокие горы, ибо горы ни с кем в мире не борются, не она движет материки, ибо нет у материков соперников под Луною; не она взрыхляет твердую, как камень, промороженную холодом, или, наоборот, прожженную солнцем землю, – чтобы потом, упав на свежую, взрыхленную почву, выросли на ней новые, доселе неизвестные виды; выросли дыни и огурцы, груши и сливы, персики и виноград, киви и манго, яблоки и картофель; выросли дубы и секвойи, карликовые ели в суровой тундре и гигантские, необъятные африканские баобабы. *(Воодушевляется.)* Она, эта чудесная, поистине божественная сила всемирного роста камней – роста оттуда, из глубины, из таинственной тишины и прохлады земли, – и есть истинная причина изменчивости в природе; изменчивости всего, что происходит вокруг; именно она превращает кильку в керченскую селедку, хотя супруга моя Антонида Ильинична, а также соседка ее Полина Матвеевна *(кивок в сторону К о з а д о е в а)* и думают, что они могут это делать само-

стоятельно. Именно она, конкретная, зримая и весомая, против которой невозможно никому устоять – ибо невозможно противиться тяжести камня, лежащего на вашей ладони, – и есть истинная причина изменчивости в природе, дорогой мой профессор в отставке; она, а не эфемерная, и неосязаемая на ладони борьба за существование вашего Дарвина!

А н д р е й В и к т о р о в и ч (*решиительно вставая из-за стола, брезгливо выпячивая губу*). Нет, это что-то невообразимое и доморощенное! это плевок в лицо целой науки! говорить о первопричинах вещей на таком примитивном уровне, я, извините великодушно, не в состоянии! у меня, в конце-концов, три сотни с лишком печатных работ; я, в конце-концов, профессор, а не какой-нибудь шарлатан, имеющий два класса образования!

Б р о н и с л а в а Л ь в о в н а (*не зная, что же сказать, скороговоркой*). У нас и дипломы за изобретения на стенке висят! мы сорок лет, верой и правдой, науке служим; а ежели когда через таможи лук провозили...

Явление пятое

Калитка со скрипом распахивается настежь, и во двор вбегают Н и н е л ь Ф р а н ц е в н а Б р и т о у с о в а, необычайно рассерженная и агрессивная. За собой она катит тележку, нагруженную товаром для торговли на рынке; кое-где из этой поклажи выглядывают рыбы головы и хвосты.

Н и н е л ь Ф р а н ц е в н а (*угрожающе направляясь к И о с и – ф у Ф р а н ц е в и ч у*). Ага, вот он где, явился – не запылится! возвратился наконец со своей собачьей прогулки! накрутил собакам хвосты, находился по своим узким тропинкам, насозерцался красот природы и моря, нафилософствовался и наверняка разгадал еще какую-нибудь мировую загадку! (*Бросает тележку, подбегает к столу, хватая в руку пригоршни разноцветных камней и пытается запустить ими в И о с и ф а Ф р а н ц е в и ч а.*) Ага, вот они, вот они, продукты твоих бесплодных мечтаний! продукты твоего изучения тайн, созерцаний прекрасного и философствования в обществе вшивой дворняжки! не рубли, не карбованцы, не гривны и не копейки, а всего лишь дешевые мокрые камни, от которых проку не больше, чем от твоих прекрасных рассветов, великолепных закатов, и великих законов природы, открытых в часы тайного вдохновения! я тебе покажу, старый козел, тайное вдохновение, я тебе разме-

няю гривны, доллары и рубли на мокрые разноцветные побрякушки; которые нельзя даже продать туристам на набережной, настолько они никчемны и лишены всякого смысла! я тебе покажу, кто я такая; я тебе наконец-то напомним, что я пока что твоя сестра, а не какая-нибудь посторонняя тетка с базара; я тебе сейчас по-родственному разукрашу физиономию; я тебя сейчас поучу уму-разуму, я тебе покажу, где раки зимуют!

Швыряет в лицо Заозерскому горсть зажатых в руке камней; Иосиф Францевич порядком струхнул, ибо вовсе не ждал с утра появления Нинель Францевны, и не в состоянии объяснить ее необычное, агрессивное нападение.

Чета Байбаковых с интересом наблюдает семейную сцену; выведение на чистую воду Иосифа Францевича им очень приятно.

Заозерский (пытаясь закрыться рукой и отступая назад). Но послушай, Нинель, к чему такое агрессивное поведение, к тому же с утра, когда необходим покой и порядок: и в мыслях, и в словах, и в делах? о, знаешь, Нинель, дни человеческие так тяжелы и суетны, столько тяжести, столько грязи, ссор и тоски, столько непонимания скапливается у человека к концу рабочего дня, что, право, надо ценить эти чи-

стые утренние часы; наполненные свежей, невысохшей еще под солнцем росой, пением райских птиц в зарослях волшебных цветов, плеском ленивой волны и скрипом мокрого камня под башмаком скромного путешественника; о Нинель, не разменивай эти утренние часы прохлады и неги на гнев; не порти и себе, и мне настроение; не порти его и этим уважаемым людям (*жест в сторону Б а й б а к о в ы х*), прибывшим издалека в нашу обитель неги и тишины, в надежде насладиться местным покоем и открыть для себя что-нибудь новое, тихое, вечное; такое, что в суете и гуле большого города сделать просто невысказано.

Нинель Францевна (*разъяренно, превращаясь в тигрицу*). Я тебе покажу обитель неги и тишины; я тебе покажу открыть себе что-нибудь новое, тихое, вечное; я, как сестра, заменившая тебе покойную мать, покажу наконец суету и гул большого столичного города! ты как миленький у меня позабудешь провинциальную глушь и бесплодное созерцание; ты сейчас сознаешься мне во всех своих преступлениях против семьи; против несчастных и бедных родственников, сытых уже по горло и твоими булыжниками, и твоей облезлой собакой, и твоим бесполезным, вечно штормящим морем; годным разве что на туман поутру, да на вечный шум днем и ночью!

Козадов (*внезапно вмешиваясь*). Однако, Нинель, замечу тебе, что ты решительно не права. Причем тут вечный шум днем и ночью, который, якобы, издает бесполезное мо-

ре? я, как бывший моряк (*поправляет фуражку с кокардой*) и капитан дальнего плавания, решительно с тобой не согласен в этом вопросе; конечно же, я не совсем одобряю образ жизни и поведение Иосифа Францевича, но все же и в его словах есть доля истины; особенно когда говорит он о красоте того самого моря, которое, Нинель, ты так сильно ругаешь; вообрази только себе: раннее утро, палуба стремительного и легкого корабля, белоснежные паруса, надутые легким бризом, крики чаек, летящих вровень с волной, брызги пены, падающие за поднятый брезентовый воротник, скрип старой, но прочной деревянной обшивки...

Нинель Францевна долго и тупо смотрит на

Козадоева, словно не понимая, откуда он появился, затем решительно подсакивает к нему и ловко срывает с головы белую засаленную фуражку; гневно размахивает ей в воздухе.

Нинель Францевна (*сердито*). Да ты кто такой? да ты откуда здесь взялся? да по какому праву вмешиваешься ты в разговор двух любящих родственников?

Козадоев (*растерянно*). Я... я... я здесь живу.

Нинель Францевна (*так же гневно*). Я тебе покажу здесь живу! я тебя научу, где раки зимуют; я тебе подскажу, как вежливо не встречать в посторонний и ласковый разговор! ты что думаешь, – раз нацепил фуражку на голо-

ву, так уж и капитаном для всех можешь казаться? да может быть ты эту фуражку купил на рынке, или выменял в кабаке у такого же несчастного пьяницы, как ты сам; да может быть ты ее украл у настоящего, взаправдашнего капитана, а на самом деле моря этого и в глаза никогда не видел? может ты всю жизнь прожил на земле, может быть ты просто сухопутная крыса, а только прикидываешься взаправдашним капитаном?!

К о з а д о е в (*возмущенно*). Это кто сухопутная крыса, это я сухопутная крыса? да я потомственный капитан дальнего плавания; да я исходил все на свете океаны вместе с проливами туда и обратно; да я три раза тонул, да меня черти морские давно бы уже уволокли на дно вместе с моей грешной душой, если бы не эта самая, законная и заслуженная морская фуражка, которую ты так немыслимо оскорбляешь; да за такие незаслуженные и обидные для капитана слова... (*Не знает, что сказать, обращает вопросительный взгляд к Заозерскому.*)

Н и н е л ь Ф р а н ц е в н а, однако, потеряла уже всякий интерес к К о з а д о е в у, и, оглянувшись по сторонам, увидела неожиданно ч е т у Б а й б а к о в ы х, скромно стоящую в стороне, и до сих пор не ушедшую со двора.

Н и н е л ь Ф р а н ц е в н а (*подскакивая к А н д р е ю В и к т о р о в и ч у*). А это еще кто такой? это что за шут

гороховый здесь объявился?

Бронислава Львовна (*закрывая грудью с у п р у г а*). Это не кто-нибудь, а профессор физики Байбаков; автор, между прочим, множества научных трудов! вы не смеете так сходу обижать незнакомого человека, к тому же ученого и заслуженного профессора!

Нинель Францевна (*зловеще*). Ага, еще один ученый нашелся! приятель, значит, нашего здешнего, доморощенного ученого? яблочко, значит, падает к яблочку, денежка к денежке, а ученый к ученому; собутыльник, значит, идет к собутыльнику, идиот к идиоту, а первооткрыватель великих законов – к такому же первооткрывателю без штанов? (*Подходит вплотную к Б а й б а к о в у.*) Ну, выкладывай, ничего не отрицая и не тая, что ты там открыл в этой своей профессорской должности? в этом своем бескорыстном служении науке и истине; тоже, небось, какой-нибудь идиотский закон всемирного тяготения, от которого всем становится тошно, и нет решительно никакой прибыли для семьи? от которого местные суки так дерут на Луну свои глотки, что по ночам невозможно заснуть?

Байбаков (*решительно возражая*). Да как вы смее-те?! Закон всемирного тяготения открыл великий Ньютон; без этого закона решительно невозможна ни жизнь человеческая, ни существование в безвоздушном пространстве любой ничтожной и незаметной пылинки, – будь она размером с планету, или с обыкновенный камень, валяющийся у обо-

чины.

Нинель Францевна (*торжествующе*). Ага, опять камень! опять всемирные каменные чудеса! да знаешь ли ты, кто после этого для меня твой Ньютон? да он для меня после этого такой же никчемный шут и скиталец, как этот мой свихнувшийся братец! такой же нищий, такой же пропащий и ни на что не способный; да знаешь ли после этого, кто для меня ты сам? для меня теперь ты не профессор и не ученый из далекой столицы, а самый что ни на есть последний придурок, верящий сказочкам о всемирных законах!

Бронислава Львовна, не зная, что возразить Бритусовой, расставляет в стороны руки, пытаясь таким способом защитить от нее Андрея Викторовича.

Явление шестое

Калитка открывается, и во двор, держась за руки и влюблённо глядя один на другого, вбегают **О к с а н а** с **А р к а д и е м**.

О к с а н а (*радостно, отцу и тетке*). Ах, папа, ах, тетя, вы так сильно кричите, что слышно на том краю улицы; опять ругаетесь из-за какого-нибудь пустяка? из-за собаки, или этого папиного увлечения (*показывает рукой на камни, которые Н и н е л ь Ф р а н ц е в н а еще не все успела скинуть на землю*). Стоит ли так кричать из-за каких-то несчастных камней? есть, между прочим, дела и поважнее, чем камни; и даже, тетя, поважнее, чем ваша торговля в рыбном ряду; дело в том (*на мгновение делает паузу, пытливо оглядывая присутствующих*), дело в том, что мы с Аркадием решили немедленно расписаться! да, немедленно, и чем немедленнее, тем лучше; может быть, даже сегодня, или в крайнем случае завтра; и не возражайте, тетя, и не возражай, пожалуйста, папа, поскольку дело это решенное, и обжалованию совершенно не подлежит; вот только маму поставим в известность, и сразу же, не откладывая ни на минуту, распишемся!

А р к а д и й(*радостно*). Да, вот только Антонида Ильичну поставим в известность, и сразу же, не откладывая ни

на минуту, распишемся; возьмем, так сказать, быка за рога! а потом – прости-прощай, маленький городок! отправимся отсюда пешком, в дальние страны; будем жить на природе, и любить друг друга, как дети!

Нинель Францевна (*растерянно*). Какого быка, какие рога? что значит жить на природе, и любить друг друга, как дети? что вы такое мелете, глаза бы мои на вас не смотрели?! уж не с этого ли полоумного собираетесь вы брать пример? (*Показывает на Иосифа Францевича.*)

Иосиф Францевич (*радостно, суетясь, подбегая к Оксане с Аркадием*). И правильно, что решили, и давно пора это сделать; не на рынке же вам, в самом деле, торговать после школы селедкой!

Нинель Францевна (*угрожающе надвигаясь на брата*). А где же им еще торговать, твоим несчастным и брошенным детям? где же еще торговать твоей несчастной и брошенной дочери? которую не может содержать ее свихнувшийся и полоумный отец? которая решается в шестнадцать лет на такой непростой шаг, как замужество, не видя для себя никаких иных перспектив? на рынке, только на рынке; и не просто на рынке, но обязательно рядом со мной, в рыбном ряду; уж я свою племянницу в обиду не отдам никому; уж мы с Антонидой Ильиничной уберем ее от скороспелых и ненужных решений! (*Презрительно смотрит на улыбающегося Аркадия.*) Нам оборванцы в роду не нужны; хватит нам в роду и одного оборванца!

И о с и ф Ф р а н ц е в и ч (*патетически*). Ах ты, невежливая и агрессивная торговка селедкой!

Н и н е л ь Ф р а н ц е в н а (*внезапно успокаиваясь*). Да, это уж точно, чего не отнять, того не отнять! хочешь жить – торгуй селедкой на рынке! суетись, работай лок-тями, занимай пораньше с утра место в рыбном ряду; раскладывай селедку к селедке, отгоняй огромных прожорливых мух, рви глотку на покупателей и товарок; гони пинками уличных нахальных воришек, радуйся каждой совершенной покупке, упивайся густым селедочным духом, настоящим на звоне медных монеток, а также монеток серебряных, гривен, рубликов, карбованцев, долларов, – вечной, пьянящей наваром, манящей тугою мошною, наживе; радуйся тугой заветной мошне, кричи от радости прямо в раскаленный, похожий на рыбий зрачок, небесный зенит; мы своего не упустим; мы в своем праве, мы – гильдия наварщиц и базарных хозяек; мы, – твердо стоящие на земле женщины из рыбных рядов; мы, – законодатели местных бесхитростных нравов, сурово наказывающих любого, кто станет у нас на пути; мы, мы, мы, – одним еловом мы, хозяева жизни из рыбного ряда!

Голос Н и н е л ь Ф р а н ц е в н ы вздымается ввысь, грохоча над городом подобно торжествующей иерихонской трубе; гимн ее селедке и вообще рыбной торговле подобен чтению высокой поэмы; *п р и с у т с т в у – ю щ и е* совершенно подавлены и повержены ниц этим мощным и торжестве-

СТВЕННЫМ ГИМНОМ.

Явление седьмое

Из своих дверей, собравшись идти на рынок, выходят **А н т о н и д а И л ь и н и ч н а** и **П о л и н а М а т в е е в н а**, в руках у них большие сумки с необходимым для торговли товаром; кое-где из щелей этих сумок также видны рыбы головы и хвосты; последние реплики **Н и н е л ь Ф р а н ц е в н ы** товарки встречают бурными аплодисментами.

А н т о н и д а И л ь и н и ч н а. Браво, браво, Нинель Францевна, сам себя не похвалишь – никто не похвалит! и то правда – мало говорится хорошего в наш адрес, в адрес торговых базарных женщин, особенно женщин из рыбного ряда; из каких-нибудь других, не таких важных рядов, – к примеру из мясного, или из овощного, – то и дело слышатся похвалы покупателей; и картошка, дескать, у них уродилась с голову человека, и свиные хари чуть ли не как живые лежат на прилавке, разве что не моргают, не хрюкают, и не бьют копытом о землю; и только из нашего, из рыбного ряда, то и дело слышим мы недовольные возгласы о якобы большом количестве мух, о недостаточном весе, посоле, и даже обмане и обсчете клиентов, который мы, продавцы, якобы допускаем.

И о с и ф Ф р а н ц е в и ч (*весело*). Конечно, если превращение кильки в селедку считать не обманом, а ежедневной узаконенной операцией, вроде завтрака, ужина, или обе-

да, то ругают вас, безусловно, напрасно.

Оксана *(отчаянно)*. Мама, ну о чем вы сейчас говорите? ведь вы не об этом должны сейчас говорить, – не о селедке, и не о том как ругают женщин из рыбного ряда; потому что, мама, сегодня произошло нечто прекрасное; такое необыкновенное и большое, что ты должна хотя бы на день забыть о своих рыбных проблемах.

Аркадий *(восторженно и бессмысленно улыбаясь)*. Да, хотя бы на день, а может быть, и на два дня, и на три, и даже на пять; потому что, Антонида Ильинична, сегодня случилось невероятное происшествие; вы просто ахнете, когда я вам все расскажу.

Антонида Ильинична *(ни на кого не обращая внимания, продолжая развивать начатую ранее тему)*. И только нас, стойких и закаленных бойцов рыбного ряда вечно попрекают за разного рода грехи и обман, вечно чистят на чем свет стоит; как будто в других рядах не происходят безобразия куда более страшные; как будто там не обсчитывают покупателей на суммы куда более крупные.

Козадов *(задумчиво)*. Нет, на более крупные, чем у вас с Полиной Матвеевной, думается мне, обсчитать невозможно.

Полина Матвеевна *(укоризненно)*. И ты туда же, Василий Петрович, идешь по стопам своего собутыльника? тоже бросаешь камушек в свой огород, тоже рубишь сук, на котором сидишь? ну что же, давай, заведи себе лохматую

жучку, уйди из дома, ночуй на берегу, на кучах старых засушенных водорослей, в компании чаек, крабов, и открывателей таинных законов вселенной; дело нехитрое, дорожка к нему давно уж протоптана.

Оксана *(кричит)*. Ах, мама, ну что же вы все не о том, да не о том?! почему не хотите остановиться, и не послушать наконец-то меня? вы, мама, совсем считаете меня глупой девчонкой!

Аркадий *(бессмысленно и весело)*. Эх, мама, где наша не пропадала! прощай, жизнь холостая, прощайте, закадычные друзья и подружки, прощаюсь с вами теперь навсегда! возьмемся за руки, уйдем на природу, и будем любить друг друга, как птицы!

Антонида Ильинична *(игнорируя и эти реплики)*. И вот наконец находится женщина, истинный патриот рыбного ряда *(торжественно указывает пальцем на Б р и т о у с о – в у)*, которая дает отпор всем этим гнусным и позорным наветам; всем этим слухам, распускаемым людьми никчемными, и ни на что в жизни не годными.

Бронислава Львовна *(продолжая стоять с расставленными в стороны руками, неожиданно опуская их, говорит невпопад)*. Уж мы-то годные, будьте уверены! уж мы-то одних научных трудов несколько сотен за жизнь накопили! уж мы-то занимаемся настоящей наукой!

Байбачков *(так же неожиданно, в том числе и для себя самого)*. Уж мы-то великому Ньютону возражать не на-

мерены!

З а о з е р с к и й (*презрительно*). Подумаешь – Ньютон! самое главное как раз и не смог разглядеть!

К о з а д о е в. Это ты про камни, Иосиф Францевич, говоришь?

З а о з е р с к и й. А про что же? конечно, про них; ему ведь только яблоко на голову сорвалось, вот он и не сумел распознать закон всемирного роста камней; вот если, к примеру, ему бы камень на макушку упал...

О к с а н а (*в отчаянии*). Мама, папа, вы что, с ума все походили?

А р к а д и й (*вопит*). Ура, женись, сегодня же вечером непременно женюсь!

А н т о н и д а И л ь и н и ч н а (*игнорируя и эти реплики*). Да, говорю я, – и вот наконец находится женщина, в прошлом скромный труженик медицинского фронта, вынужденная не от хорошей жизни влиться в наши ряды; вовсе не оратор, не писатель, и не поэт; которая так хорошо говорит о нашем труде, как не скажет и сам Лев Толстой, хоть проси его об этом целый день на коленях.

И о с и ф Ф р а н ц е в и ч. Да уж точно, – Лев Толстой, будь он даже и жив, о рыбном ряде писать ни за что бы не стал!

А н т о н и д а И л ь и н и ч н а (*и глазом не моргнув*). А потому, спасибо тебе большое, Нинель Францевна, и дай я тебя за все расцелую! (*Спускается вниз, целуется с Б р и*

тоусо-вой.)

Полина Матвеевна. А меня, а меня забыли зачем? (*Присоединяется к обеим товаркам.*)

Иосиф Францевич (*язвительно*). Какое трогательное начало дня! труженики местных рыбных рядов братаются накануне большой и тяжелой путины!

Нинель Францевна (*гневно сверкнув очами*). Да что же это такое творится, Антонида Ильинична?! да что же он себе позволяет, этот выродок, этот изгой, это несчастье в нашей семье? да до каких же пор будем терпеть мы это издевательство над нашим нелегким трудом? до каких пор будем нести на себе этот нелегкий крест? ведь вот уже и Оксана из дома уходит собирается, нашла себе первого попавшегося кавалера (*пренебрежительно показывает на Аркадия*), того гляди не сегодня-завтра дитё в дом принесет; другой бы отец взял в руки прут, да выдрал ее по мягкому месту, а этому все едино; радуется, идиот, и ничего, кроме своих камней, в жизни не видит!

Антонида Ильинична (*растерянно, потом решительно*). Как так собирается из дома уйти, как так дитё в дом принесет, как так ничего в жизни не видит? Нет, хватит, сил моих больше нет терпеть этого идиота! Хватайте мерзавца, вяжите его! или пусть отречется от своих преступных теорий, или засадим его до скончания века в психушку; или он, или мы, – другого, дорогие женщины, не дано!

Срывает с веревки висящую на ней простыню и бросается вязать И о с и ф а Ф р а н ц е в и ч а.

И о с и ф Ф р а н ц е в и ч, пытаясь спастись, забирается с ногами на скамью.

П о л и н а М а т в е е в н а и Н и н е л ь Ф р а н ц е в н а, вдохновленные А н т о н и д о й И л ь и н и ч н о й, бросаются вслед за ней вязать бедного И о с и ф а Ф р а н — ц е в и ч а.

Б р о н и с л а в а Л ь в о в н а*(неожиданно для себя и для присутствующих). И я, и мы, и нам дайте дорогу! во имя науки вязать этого идиота!*

Б а й б а к о в*(вслед за женой, неожиданно для самого себя). Чего уж там, давайте и я подсоблю; чего не сделаешь во имя науки! (Помогает вязать З а о з е р с к о г о.)*

К о з а д о е в.*Где все, там и я! Извини, сосед, но раз общество так порешило!.. (Решиительно присоединяется к о с т а л ь — н ы м.)*

О к с а н а*(растерянно оглядываясь по сторонам). Остановитесь, прошу вас, иначе ноги моей в этом доме не будет!*

А р к а д и й*(все с той же бессмысленной и глупой улыбкой). Эх, времечко удалое, женюсь, братцы, женюсь, и ничего теперь уже не попишешь!*

З а о з е р с к и й*(по рукам и ногам повязанный белыми простынями). На помощь, друзья, все те, кто верит в науку*

и в разум! ко мне, братья мои по мечте и научному поиску!

А н т о н и д а И л ь и н и ч н а. Отрекись, безумец, от своей беспутной и скитальческой жизни; отрекись от своих безумных законов; отрекись от своей паршивой собаки!

З а о з е р с к и й*(кричит)*. Ко мне, жучка моя, ко мне, моя лохматая псина; ко мне, подруга моих трудных дорог! подай голос, лети на всех четырех сбитых в кровь лапах, выручай своего гибнущего хозяина!

Б р о н и с л а в а Л ь в о в н а*(держась за конец простыни)*. Ах, какая трогательная дружба с животным!

К о з а д о е в*(тоже за что-то держась)*. Эх, жизнь, и у меня в детстве была канарейка, да сдохла!

А н т о н и д а И л ь и н и ч н а. В последний раз заклинаю – отрекись от своих гнусных камней!

И о с и ф Ф р а н ц е в и ч*(звонким голосом)*. Да здравствуют камни, – вечный двигатель всего изменяющегося во вселенной! да здравствует всемирный закон роста камней!

Н и н е л ь Ф р а н ц е в н а. Окончательно свихнулся, теперь уже не поправится; вяжите его, и отправим на принудительное лечение!

В я ж у щ и е с азартом возятся вокруг стоящего на скамье З а о з е р с к о г о, старательно пеленая его простынями, кряхтя от излишнего рвения и помогая себе необходимыми репликами.

З а о з е р с к и й (*звонким и торжественным голосом*).

На баррикады, друзья, на баррикады, и да будут посрамлены все на свете мучители и тираны! (*Бьется, как птичка в силках, спеленутый по рукам и ногам белыми простынями*).

Совсем рядом раздается звонкий и жалобный собачий лай.

З а н а в е с .

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина та же. Летний вечер. Прошел ровно год со времени описываемых событий.

Явление первое

Во дворе за столом сидят **З а о з е р с к и й** и **К о з а д о е в**. Перед ними открытая бутылка вина, два стакана и закуска из хлеба и фруктов. Оба соседа изрядно выпили, говорят громко, размахивают руками, время от времени обнимаются и даже целуются; отмечается возвращение **З а о з е р с к о г о** из психиатрической лечебницы; у ног его, как и следовало ожидать, выдавшая виды спортивная сумка, полная свежими, только что собранными камнями.

З а о з е р с к и й (*обнимает за талию К о з а д о е в а*). Одно скажу тебе, дорогой Василий Петрович, – нет там ничего хорошего, в этой психушке; одна тоска и потеря необходимого времени; начнешь, бывало, с врачами или медсестрами разговаривать о чем-то возвышенном, – об искусстве, к примеру, или о законе всемирного роста камней, – так веришь ли, Василий Петрович, иногда в ответ или по морде тебя ударят, или наденут смирительную рубашку, и держат в холодной три дня без еды и питья; до того необразованный персонал, что я даже порой удивлялся, – как можно таким неграмотным людям доверять лечение сумасшедших?

К о з а д о е в (*задумчиво, делая глоток из стакана*). Да, низок уровень культуры в нашем народе; мельчает народ, теряет необходимые навыки; нынче уж и узел морской пра-

вильно завязать не всякий сумеет, и под одним лишь парусом, в шторм, с одним лишь компасом в руках, из одного порта в другой вряд ли дойдет.

З а о з е р с к и й (*радостно, делая торопливый глоток*). Так я ведь об этом и говорю, Василий Петрович! до того необразованный персонал попадаетея порой в этих лечебницах, до того нечуткий и грубый к нуждам отечественных идиотов, что порой удивляешься, не коновалы ли это, не извозчики, и не пьянчужки из местной грязной пивной? никакого уважения к пациенту, того и гляди, норовят по уху стукнуть, или клистир в неподходящее время поставить; а это, скажу тебе, друг Василий, хуже всего, хуже даже холодной и смирительной рубашки; потому что и в холодной, и в смирительной рубашке, можно все же мечтать о прекрасном, можно даже делиться своими мыслями с кем-то другим, – с тем, разумеется, кто до этих мыслей дорос; ибо не все, друг Василий, до них доросли, и не все их, естественно, понимают; но после клистира, к сожалению, нельзя рассуждать уже им о чем, – ни о возвышенном, ни о прекрасном, ни даже о самом низком предмете; после него, друг Вася, совсем пропадает тяга к общению.

К о з а д о е в (*с умным видом*). Да уж, чего там, дело, как говорится, житейское и простое; не умеешь завязать морского узла, так и не суйся, понимаешь-ли, в морскую науку!

З а о з е р с к и й (*радостно, не слыша его*). Никто, никто на земле не может судить о нормальности человека! никто,

даже самые умные, ибо порой последний безумец становится самым известным гением, а величайший из мудрецов оказывается в итоге на свалке истории; вспомни, хотя бы, безумца Циолковского, вспомни этого глухого учителя, с крыши своего деревянного сарая простиравшего руки к далеким звездам. о, как жестоко смеялись над ним; порой даже бранили и били, но чем в итоге обернулось все это ерничанье и посмешище? чем, спрашиваю я тебя, благородный и честный моряк?

К о з а д о е в (*вскидывает голову, словно услышав вдали звуки склянок, отбиваемых на корабле*). Чем, чем, Иосиф Францевич? говори скорей, не томи душу уставшего моряка!

З а о з е р с к и й. Громовыми раскатами мощных ракет, фанфарами усыпанных цветами праздничных аэродромов, ликованием бесчисленных толп, триумфом разума, света и жизни, – вот, чем обернулось безумие несчастного и глухого учителя из Калуги! И так, дорогой Василий Петрович, бывает всегда, ибо дерзание и стремление ввысь всегда оплачивается признанием идущих вслед за тобою. (*Внезапно задумывается, сникает.*) Да, вот в том-то я трагедия, друг мой Вася, в том-то и печаль, что современники, живущие рядом с тобой, живущие рядом с Циолковскими и Коперниками, не замечают этих великих порывов; их или жестоко высмеивают, или, того хуже, сжигают на площадях под улюлюканье черни.

К о з а д о е в (*нарочито равнодушно*). Или вяжут всем миром белыми простынями.

З а о з е р с к и й (*он совсем сник, восторженный порыв его сошел на нет*). Да, в том-то и дело, что иногда их просто сажают в психушку; а там, друг Вася, тоска и несчастье, там плач и скрежет зубовный; лучше, Вася, сгореть на площади под улюлюканье черни, чем три дня провести без еды и питья, в вонючем карцере, повязанным по рукам и ногам старым смирительным балахоном; мечтая о вольной жизни, о море и о камнях, и временами, поверишь-ли, слыша совсем рядом, под стенами заведения, лай моей верной жучки, – единственного товарища по скитаньям, неизвестно как учуявшего мои страдания и тоску.

К о з а д о е в. Да, уж тосковала она без тебя, уж тосковала! сначала выла без перерыва три дня на Луну, так что заснуть было нельзя, а потом и вообще неизвестно куда убежала; мы уж думали, что пропала собака, но через год примерно опять возвратилась, а потом и ты из узилища вышел. (*Пытливо смотрит на З а о з е р с к о г о.*) Опять, я думаю, будешь свои камни искать? опять бродить по берегу с утра и до вечера?

З а о з е р с к и й (*улыбаясь блаженно*). Опять, друг Вася, опять; ведь если не я, то кто из ныне живущих откроет законы вечности и красоты?

К о з а д о е в. Ну-ну, открывай; без тебя, очевидно, их теперь уже никто не откроет. Коперников нынче днем с огнем не сыскать, особенно в нашем заброшенном городишке.

Явление второе

Калитка открывается, и во двор заходит ч е т а Б а й-ба к о в ы х. Одеты они так же странно, как и в прошлом году, и, кажется, нисколько не изменились.

Б а й б а к о в (как ни в чем не бывало). Здравствуйте, Иосиф Францевич; с возвращением вас из мест не столь отдаленных!

Б р о н и с л а в а Л ь в о в н а (замахивается на м у ж а). Ах, Андрей Викторович, перестаньте иронизировать! человек, можно сказать, вышел из ада, вернулся с того света, где, между прочим, пребывал не без нашей активной помощи, а вы зачем-то не к месту иронизируете; нехорошо это, Андрей Викторович, не солидно, не по-мужски и не по-профессорски; стыдились бы лучше, ведь все туда можем попасть, и никому от этого зарекаться не надо!

Б а й б а к о в (смущенно). Да уж, что верно, то верно, от сумы и от тюрьмы на Руси зарекаться не след.

Б р о н и с л а в а Л ь в о в н а. И от желтого дома, батюшка, и от желтого дома! все мы туда можем попасть, все от мала до велика, ежели эти проклятые цены, особенно на репчатый лук, не упадут в самое ближайшее время! (*Внезапно спохватывается.*) А мы ведь, Иосиф Францевич, послушались в прошлом году совета вашего насчет таможни и

мешка контрабандного лука; не лук повезли через границу, а семена его, расфасованные по разным карманам; всем нос утерли этим вашим советом: и таможенникам, и друзьям, и нашим соседям по даче; спасибо за добрый совет, будем рады любым вашим мудрым словам.

И о с и ф Ф р а н ц е в и ч (*польщенный напоминанием о своем прошлогоднем совете, забывший, кстати, и о предательстве Б а й б а к о в ы х*). Не меня надо благодарить, а науку; научный подход и любознательность в каждом предмете, – от низменного выращивания огорода до исследования законов природы, – дает иногда поразительные результаты! (*Обращается к Б а й б а к о в у.*) Вы, Андрей Викторович, может быть, не поверите, но иногда там, в заточении, сидючи в карцере, без еды и питья, в обществе, извините меня, последних придурков, предавался я величайшим раздумьям о сущности всего, что происходит в природе.

Б а й б а к о в (*угрюмо*). И что же, додумались до чего-нибудь путного?

З а о з е р с к и й (*воодушевляясь*). О да, додумался, еще как додумался, дипломированный собрат мой по научному поиску! Хотите верьте, хотите нет, но там, в желтом доме, в обители ужаса и гробовой тишины, в стоне, хрипах я скрежете бессильных зубов, подходил я иногда к границам таких важных открытий, которых, кажется, не замечал еще никто до меня; вы не поверите, но соседство с людьми, лишенными элементарного разума и рассудка, окрыляет иногда челове-

ка на полет столь высокий, что даже далекие звезды кажутся ему родными и близкими, расположенными не дальше вытянутой руки.

Б а й б а к о в (*все так же угрюмо, усаживаясь за стол*). Да, в это трудно поверить.

З а о з е р с к и й. Сидя там, вдали от родных сердцу берегов, а заодно уж и родных сердцу камней, – основе всего, что существует в мире прекрасного и возвышенного, – я, как наблюдатель природы и самобытный философ, имел достаточно времени для анализа всех своих прошлых трудов; и, знаете, Виктор Андреевич, чем больше сидел я и копался в своей собственной биографии, тем более удивлялся собственной прозорливости; тем более восхищался величием научного подвига, который мне удалось совершить.

Б а й б а к о в (*нарочито*). Да ну? прямо-таки восхищались, несмотря на временные, так сказать, неудобства?

З а о з е р с к и й. Да, восхищался, и даже больше того, – вскакивал временами с кровати, и на всю палату кричал: «Ай да Заозерский, ай да сукин сын!» Прямо как Пушкин, даже самому иногда совестно становилось.

Б а й б а к о в. Ну а после что? что было после того, как вы это кричали?

З а о з е р с к и й (*грустно*). После, конечно, меня опять садили в холодную. (*Воодушевляется.*) Но и там, и тишине, спеленутый по рукам и ногам, оставшись один на один с моим великим открытием, – с законом всемирного роста кам-

ней, – я гордо и стойко переносил все испытания; меня вдохновляла незримая близость не менее, чем я, великих людей: Ньютона, Лейбница, Леонардо да Винчи... Впрочем, вам, как бы вы ни старались, понять такие переживания невозможно; не обижайтесь, Андрей Викторович, но вы всего лишь простой эпигон; рядовой исполнитель; один из тех, кто всего лишь использует достижения небожителей; будь то закон великого Ньютона, или открытый мною не менее великий закон.

Б а й б а к о в (*зловеще, глядя прямо в глаза З а о з е р с к о м у*). Ваш закон всемирного роста камней – это ваша большая и вздорная выдумка; идея-фикс, фата-моргана, несуществующая в природе мечта идиота! а сам вы – законченный и рафинированный шарлатан, опасный маньяк, которого, к сожалению, совершенно напрасно выпустили на свободу.

З а о з е р с к и й (*все так же грустно*). Будущее, Андрей Викторович, покажет, кто из нас прав, а кто заблуждается; великие идеи не раз встречали непонимание и хулу; вы можете говорить что угодно, к непониманию и косности ретроградов я отношусь с олимпийским спокойствием.

Б р о н и с л а в а Л ь в о в н а. Андрей Викторович не ретроград; он заслуженный физик и профессор академического института!

К о з а д о е в (*с неожиданной философской улыбкой*). Эх, други, все мы философы, да только сидим по горло в дерьме; и никому-то она, наша распрекрасная философия, не нужна

ни даром, ни за приличные деньги!

Явление третье

Калитка распахивается, и во двор, рука об руку, вбегают Оксана с Аркадием.

Оксана (*подбегает к отцу, целует его*). Ах, папа, как хорошо, что ты снова вернулся! (*Доверчиво, ласкаясь к нему.*) Знаешь, здесь без тебя было так скучно; мама и тетя весь день торговали на рынке своей тухлой килькой, которая у них почему-то превращалась в керченскую селедку; собака твоя сутками напролет выла я кидалась на несчастных прохожих; мы с Аркашей поссорились, и он уплыл, как и хотел, в дальние страны, из которых только вчера вернулся с большими деньгами; как странно, – все вокруг только и делают, что гоняются за большими деньгами; все: мама, тетя, Полина Матвеевна, и даже Аркаша, который еще недавно собирался жить, словно птица.

Заозерский (*радостно*). Не все, дочка, не все; истинные философы довольствуются лишь тем, что дает им природа

Оксана (*продолжает*). Так надоели эти глупые разговоры; о том, что надо набивать потуже мошну, искать прибыльного жениха, бороться за место на рынке в рыбном ряду и вообще работать локтями; потому что, если ты не будешь работать локтями, не будешь торговать в рыбном ряду и ко-

пить деньги в толстой кубышке, тебя в два счета обставят на повороте; оттяпают все, что заработал честным трудом, и даже прощения не попросят при этом. (*Неожиданно делаясь хитрой, прищуривая глаза.*) Знаешь, такова современная жизнь! таковы ее суровые будни, и поэтому ничего в ней изменить невозможно.

З а о з е р с к и й (*все так же радостно*). Возможно, дочка, еще как возможно!

О к с а н а (*смягчаясь*). Но ты, пожалуйста, не унывай; ходи опять с собакой вдоль берега моря, собирай свои мокрые камни, и открывай законы и загадки вселенной; потому что, как говорят мама и тетя, тебя все равно не исправишь, и раз уж упекли тебя однажды в психушку, то придется упечь и второй раз, и третий; пока не превратишься в нормально-го человека; пока не откажешься от собачьей скитальческой жизни. Так что можешь пока что немного опять погулять, а потом мы все вместе отправим тебя по прежнему адресу; а собаку твою кому-нибудь отдадим, лучше всего на опыты или на шкуру; пускай не бегает, не воеет, как бешеная, и не кидается на прохожих! (*Спохватывается.*) Ой, что я такое наговорила сейчас! ты, папа, не обращай внимания на мои глупые разговоры; я ведь девушка глупая и незамужняя, на меня внимания не следует обращать.

З а о з е р с к и й (*ласково*). А я и не собираюсь этого делать; на девушек обижаться, – особенно на девушек незамужних, – все равно, что обижаться на законы природы.

Б а й б а к о в (*с вызовом*). Да, это уж точно, – на законы природы обижаться не следует!

Б р о н и с л а в а Л ь в о в н а (*в тон ему*). У нас, у ученых, такого сроду не принято! мы на законы природы не приучены обижаться; мы на кого угодно можем обидеться: хоть на торговков репчатым луком, хоть на таможенников, хоть на сокращение штатов; но чтобы обижаться на законы природы, – этого от нас, ученых, ни за что не дождетесь!

К о з а д о е в (*философично*). Бывает, ребята, что и на законы природы приходится обижаться честному мореплавателю; особенно когда на барометре ясно, а за кормой штормит и качает, как в преисподней.

Б а й б а к о в. Это не законы природы, а синоптики виноваты, это к законам природы никакого отношения не имеет.

Б р о н и с л а в а Л ь в о в н а. У нас в Москве это обычное дело: пообещают одно, а к вечеру закончится ураганом.

О к с а н а (*радостно*). Да ну их, эти законы природы! подумаешь – законы природы! ты, папа, если захочешь, и не такие законы придумаешь на прогулке; не о них сейчас следует говорить, потому что, папа, сегодня произошло нечто невероятное; такое, что поважнее любых законов и ураганов на свете; все дело в том, что мы с Аркашей опять решили немедленно расписаться; прямо завтра, или даже сегодня; вот толькождемся прихода мамы, и сразу же пойдем с Аркашей расписываться.

А р к а д и й (*с блаженной улыбкой, похлопывая себя*

по карману). Мы теперь люди богатые, мы теперь все себе можем позволить; нам теперь все едино: что жениться, что опять в плавание уходить! можем даже путешествовать автостопом, жить на природе, и любить друг друга, как дети.

Заозерский (*торопливо, беря Оксану за руку*). Вот и хорошо, дочка, вот и отлично; можешь считать, что ваше решение расписаться я полностью одобряю; расписывайтесь, путешествуйте автостопом, живите на вольной природе, и не обращайтесь ни на кого никакого внимания.

Козадов. Ох-хо-хо-оо! он, видите ли, все одобряет! да главное-то препятствие не в нем, а в Антониде Ильиничне; она этого Аркашку на дух не переносит; она его за шарлатана считает; она Оксану за него ни за что не отдаст!

Аркадий (*весело, опять похлопывая себя по карману*). Не бойсь, папаша, отдаст, еще как отдаст! мы теперь не голодранцам чета, мы теперь сами капиталы имеем; захотим – семью заведем, захотим – опять уплывем за деньгами!

Бронислава Львовна (*умильно*). Ах, как все это трогательно! как будто и не прошел год со времени нашей последней встречи; как будто все опять повторяется, и не хватает только Антониды Ильиничны, вернувшейся с рынка после работы.

Явление четвертое

Во двор заходят Антонида Ильинична и Коза доева; в руках у них огромные базарные сумки; из сумок, как обычно, торчат рыбы головы и хвосты.

Антонида Ильинична (неодобрительно поглядывая на компанию за столом). Опять старая песня? не успел вернуться после леченья, как сразу же хватаешься за стакан, и врешь всем подряд про своя законы природы? про свои мокрые камни, без которых ты не можешь прожить и дня, и на которых, якобы, держится все в этом мире?

Иосиф Францевич. Ну конечно же, Антонида, все так именно и происходит; все в мире держится на камнях, все обязано им своим прочным и незыблемым основанием; на камнях, Антонида, держится наша Земля, держится наш город, наша улица, и твой, Антонида, вечный рынок; который в противном случае давно бы уже провалился в тартарары, сторел от стыда при виде тебя и твоих хищных товаров; которые не то, что кильку превратят в керченскую селедку, но и дохлую кошку запросто выдадут за породистую свинью.

Байбак (иронично). Вы говорите, что все в мире держится на камнях? но позвольте, коллега, а почему в таком случае не на китах? или на черепахе, плавающей в огромном доисторическом океане? мне кажется, что на китах и на че-

репахе все было бы намного солидней.

Б р о н и с л а в а Л ь в о в н а. Да, нам, ученым с большим стажем работы, кажется, что на китах и на черепахе все было бы намного солидней!

И о с и ф Ф р а н ц е в и ч(*с жаром*). А потому все в мире держится на камнях, а не на слонах, или китах с черепахами, как утверждал кто-то из древних, что на камнях все покоится надежней и основательней, чем на животных, с которыми в любой момент неизвестно что может случиться; камни просто более предсказуемы. (К о з а д о е в у.) Вот ты, к примеру, Василий Петрович, на чем построил бы свой предполагаемый дом: на прочной скале, или на спине большого кита?

К о з а д о е в. Конечно же, на скале; хотя, если честно, как бывший моряк и капитан дальнего плавания, я против этих самых китов ничего решительно не имею; животные надежные и солидные, особенно зубастые кашалоты, которых лучше вообще обходить стороной.

З а о з е р с к и й(*торжествующе*). Ага, вот в чем секрет! дом лучше всего установить на скале, а китов, и особенно кашалотов, по возможности нужно обходить стороной; а вы, уважаемый Андрей Викторович, утверждаете, что все в мире покоится на черепахах и на китах; не на черепахах и не на китах со слонами, а на больших и прочных камнях, держащих на себе все в этом мире; держащих и берег моря с его прекрасными закатами и рассветами, и местный рынок с

его свинными и человеческими харями; который, как было уже здесь сказано неоднократно, давно бы от стыда провалился в тартарары.

Б а й б а к о в (*всплескивает руками*). Нет, это немыслимо! вы применяете в споре ненаучные методы! так научные дискуссии не ведутся, это что-то немыслимое и невозможное!

Б р о н и с л а в а Л ь в о в н а. Да, это что-то немыслимое и невозможное! мы, как ученые и авторы многих научных трудов, в таких дискуссиях участвовать не намерены!

А н т о н и д а И л ь и н и ч н а (*до этого от возмущения потерявшая дар речи*). Это кто в нашем рыбном ряду продает дохлых кошек вместо розовых упитанных поросят? это кто превращает кильку в керченскую селедку? это когда все вместе провалимся мы в тартарары? опять, значит, берешься за старое, опять высмеиваешь всех подряд и попрекаешь своими выдуманнами законами? высосанными из пальца и ненужными никому, кроме твоих собутыльников и твоей облезлой лохматой шавки, лающей на всех без разбору и негодной даже дом сторожить? ну погоди, мы тебе покажем, законы природы! мы тебя рассудим за все окончательно: и за законы, и за твою драную жучку!

П о л и н а М а т в е е в н а (*до этого стоявшая на вторых ролях в стороне, неожиданно набрасывается на мужа*). А заодно и тебя, старый морской козел, рассудим, как миленького! чтобы не рассуждал тут про китов и не смущал

покой своего больного и погибающего соседа.

К о з а д о е в (*отодвигаясь в сторону*). А я что? а я ничего! как все, так и я; а кашалоты, Полина Матвеевна, все же очень солидные и сильные звери; про кашалотов, Полина Матвеевна, множество ходит легенд и рассказов, и даже сложены матросские песни.

П о л и н а М а т в е е в н а (*давая ему подзатыльник*). Я тебе покажу легенды и сказки, я тебе покажу морские рассказы! не можешь деньгу в дом принести, так хоть молчи, и не вмешивайся а поучительный разговор!

К о з а д о е в. Как скажешь, Полина Матвеевна, как скажешь; куда все, туда и я побегу! (*Отодвигается в сторону от Заозерского.*)

И о с и ф Ф р а н ц е в и ч (*вскакивая со скамьи, протягивая руку в сторону Антонида Ильиничны*). Не ты мне судья, любезная Антонида, и не тебе поэтому решать, прав я, или не прав в своем споре с природой; не тебе меня судить, Антонида, есть для этого инстанции куда как посолиднее и поважней.

А н т о н и д а И л ь и н и ч н а (*презрительно*). И что же это за инстанции за такие?

Б а й б а к о в (*ехидно*). Да, да, и что же это за научные институты?

З а о з е р с к и й (*торжественно*). Мне кажется, что таким ответственным институтом могла бы стать французская Академия; в конце-концов, ведь разобрались французы

с метеоритами, падавшими на землю; разберутся, я думав, я с моими камнями; чем, в самом деле, небесные камни отличаются от камней земных и привычных? подобное приходит к подобному, метеориты становятся булыжниками под ногами, и французские академики, без сомнения, оценят мои научные изыскания; быть может, даже меня самого сделают таким же пожизненным академиком, учитывая мои заслуги перед наукой; и тогда уж прости-прощай, Антонида, покину и тебя, и твою вонючую кильку; вот только собаку с собой прихвачу, и укачу от вас навсегда без всякого сожаления!

Антонида Ильинична (*зловец*). Укатишь ты снова в лечебницу без всякого сожаления; а жучку твою отправят на мыло, и снова наступят в природе покой и порядок; а про свою французскую Академию будешь друзьям в палате рассказывать.

Полина Матвеевна (*строго, Василию Петров-ичу*). Вот видишь, изверг морской, до чего довела человека эта собачья беспутная жизнь? без штанов по берегу бродит с собакой, а туда же, – собрался вступать во французские академики!

Байбачков (*ошарашенный заявлением Заозерского* *во вступить во французскую Академию, начинает смеяться, подпрыгивая на месте*). Нет, это что-то немыслимое, дорогой вы мой коллега и друг! да ежели вас примут во французскую Академию, то я не знаю, что сейчас же после этого сделаю! пятки ваши буду лизать, хвостом вилять, валять-

ся у ног и лаять на всех случайных прохожих; в народ уйду босиком, жену брошу и квартиру в Москве, порву навеки с профессорским прошлым, удавлюсь на первой попавшейся ветке; рабом вашим стану до скончания века, укачу в Париж на вашу инаугурацию в качестве вечного мальчика на побегушках; не побрезгуйте, коллега, не оттолкните искреннего и рьяного почитателя! *(Судорожно всхлипывает, продолжая подпрыгивать, словно мячик.)* Надо же, – образования научного не имеет, а собирается вступать во французскую Академию!

Б р о н и с л а в а Л ь в о в н а*(растерянно)*. Кажется, еще один тронулся на этой науке!

А н т о н и д а И л ь и н и ч н а. С этим придурком тронешься! с ним скоро мы все в академиком превратимся!

П о л и н а М а т в е е в н а*(мужу)*. Вот видишь, до чего дошел твой собутыльник? опять придется скорую вызывать!

К о з а д о е в. А я что? а я ничего! как общество пожелает, так пусть и будет; вызовем хоть скорую, хоть катафалк на колесах; почему бы и не вызвать, в конце-концов, раз общество просит об этом?!

О к с а н а*(отчаянно)*. Мама, папа, вы что, с ума все походили? перестаньте немедленно, или сейчас же сбегу с Аркашей на поиски счастья; год назад не сбежала, так хоть сейчас уеду подальше!

З а о з е р с к и й*(ласково)*. Сбегай, дочка, сбегай, не всем же в рыбном ряду торговать!

Аркадий*(самодовольно, похлопывая себя по карману)*. Не бродяги мы, не пропойцы, а кое-что а кармане имеем!

Антонида Ильинична. Не слушай его, дочка, они все так заявляют вначале; а потом в этих карманах не оказывается ничего, кроме горсти мокрых и ничтожных камней; не иди путем своей бедной матери, не бросайся в объятья еще одного идиота; кончишь тем же, чем кончила я: будешь в рыбном ряду продавать тухлую кильку, выдавая ее за керченскую селедку, а он в это время будет скитаться вдоль берега моря и открывать зловещие тайны природы.

Оксана*(рассудительно)*. Что делать, мама? таково, видимо, проклятие нашего несчастного рода!

Явление пятое

Во дворе появляется Б р и т о у с о в а с тележкой в руках, доверху нагруженной разнообразным товаром.

Б р и т о у с о в а (*вмиг оценив обстановку, За о з е р с к о м у*). Ага, не успел покинуть психушку, как снова смущаешь людей своими бредовыми и опасными мыслями! снова из-за тебя происходят сражения, льется кровь и ломаются копья? снова бродишь ты по берегу поря, вороша всякую дрянь, и выдавая себя за собирателя разных сокровищ? за открывателя великих законов вселенной?

З а о з е р с к и й (*с достоинством, вставая из-за стола*). Не понимаю, Нинель, зачем ты так сильно кричишь? да, я, как природный философ и тонкий наблюдатель природы, предпочитаю тихое и ненавязчивое уединение, прогулки пешком вдоль берега моря, во время которых нисходят на меня великие озарения; но я, Нинель, вовсе не нов в этом своем подходе к природе; вспомни, в конце-концов, француза Руссо, вспомни Декарта, Лейбница и Спинозу; вспомни, наконец, грека Сократа, который вообще считался в народе распутником и пропойцей, и кончил весьма и весьма плачевно, отравленный насмерть по приговору суда; а между тем, Нинель, имя его пережило эпохи.

Б р и т о у с о в а (*зловеще*). Ты тоже скоро кончишь пла-

чевно; если не бросишь своих собутыльников, слушающих тебя раскрыв рот (*небрежный кивок в сторону К о з а д о е в а*), если не бросишь свою драную шавку, свои бесцельные прогулки у моря и наблюдения за тайнами глупой природы, то скоро снова возвратишься в психушку.

А н т о н и д а И л ь и н и ч н а (*скороговоркой*). Он и о дочери совсем не заботится, и на семью ему совсем наплевать! вернулся из отпуска таким же блаженным, каким туда когда-то отправился! мало ему своего сумасшествия, так еще и зятя сумасшедшего одобряет; станет теперь в семье два дурака, станут теперь на пару открывать законы природы!

Б р и т о у с о в а (*так же зловеще*). Это мы еще посмотрим, сколько дураков в семье сохранится!

А р к а д и й (*с блаженной улыбкой, похлопывая себя по карману*). А что, и откроем, нам теперь все нипочем! нам татарам что в лоб, что по лбу! женюсь, мама, женюсь; год терпел, а теперь женюсь окончательно! а там уж прости-прощай, – отправимся на природу путешествовать автостопом.

П о л и н а М а т в е в н а (*пытаясь быть агрессивной*). И зря ты, Нинель, причислила к собутыльникам моего заслуженного моряка Козадоева; он, между прочим, никакой не Сократ, и в пьяных делах никогда не замечен!

К о з а д о е в (*поправляя фуражку, слегка отстраняясь от З а – о з е р с к о г о*); Да уж, чего не бывало, того не бывало; со многими плавал, везде побывал, а ни с какими Сократами в жизни не знался; мы люди морские, мы чего не

положено, того никогда делать не будем!

Оксана *(кричит)*. Вы что, опять взялись за старое? опять с ума все походили? кричите Бог знает о чем, а на меня и Аркадия вам совсем наплевать?!

Байбачков *(важно выдвигаясь вперед)*. Позвольте, друзья, позвольте, но я, как представитель науки, должен внести в дискуссию необходимую ясность; упоминаемые здесь имена Руссо, Сократа и Лейбница, относятся скорее к области созерцательной философии, чем к науке серьезной, основанной на точном математическом исчислении; общение с природой, безусловно, необходимо, и даже полезно современному теоретику; но, господа, не будете же вы все-таки утверждать, что просто так, походя, от нечего делать, созерцая красоты бездушной природы, можно открыть что-нибудь путное? времена созерцателей, живущих в тиши, на лоне природы, давно и прочно канули в Лету; нельзя повторить подвиг Ньютона, открывшего в цветущем саду, с помощью обыкновенного яблока, упавшего ему, извините, прямо на голову, один из основных законов вселенной; а потому все разговоры, все намеки уважаемого Иосифа Францевича о неких глобальных и необычайных законах, открытых им во время прогулок, у моря, в обществе, извините, обыкновенной собаки, являются попросту выдумкой и шарлатанством; они несерьезны, друзья, да, несерьезны, и строгой научной критики попросту не выдерживают! *(Расшаркивается перед слушателями.)*

Заозерский (*кричит*). Протестую! Тысячу, миллион, сто миллионов раз протестую! Времена Ньютонов отнюдь не прошли; метод Жан-Жака Руссо, метод тихого и ненавязчивого созерцания, отнюдь не утратил значения и сегодня; открытый мною закон всемирного роста камней возник как раз из тихого созерцания, из ненавязчивых прогулок вдоль берега моря, прерываемых разве что лаем собаки да вечным шумом прибоя, настраивающим на тихие и глубокие мысли. (*Воодушевленно, не так громко.*) Думаю, что не за горами то время, когда мой закон будет признан лучшими учеными современности; метеориты, между прочим, тоже долгое время отрицались наукой; а ведь они такие же камни, как и мои простые булыжники, – основа и скрижали всего, что происходит в подлунном мире! (*Поднимает с земли спортивную сумку, высыпает из нее на стол кучу мокрых камней, многие из которых не отличишь от простого булыжника; подносит камни к глазам, рассматривает со всех сторон, некоторые даже целует, причмокивая от удовольствия, полностью поглощенный этим занятием.*)

Бритова (*возмущенно*). Нет, я этого не переживу! Основа и опора всего – ежедневная торговля на рынке! Приходят и уходят народы, гибнут цивилизации, строятся и разрушаются города, и только лишь он – вечный и прочный рынок, гордо стоит посреди хаоса и разрухи; вновь воскресает из пепла и дыма, как легендарная птица Феникс; не было бы рынка, не было бы и жизни на нашей планете; не было

бы рыбного ряда, не было бы и продолжения человеческого рода; о, этот прекрасный запах лежалой рыбы, – не овощей, не свинины, не тухлых яиц, а именно долго лежащей рыбы, – как сладко, как восхитительно ласкаешь ты ноздри усталой рыночной женщины! о бальзам, о целебная влага на раны всякого уставшего человека! слава тебе в веках, в тысячелетиях, в долгой и нескончаемой вечности! (*С нафосом.*) Пройдут годы, истлеют века, потухнет Солнце, замерзнет Земля, и над руинами разрушенных, вмерзших в вечную мерзлоту городов будет виться лишь он: почти что исчезнувший, уже никому, к несчастью, ненужный, запах тухлой селедки; последнее, что осталось от погибшего человека; и поэтому любое покушение на рыночную торговлю, на рыбный ряд и запах селедки, любое отрицание их первородства, признание в качестве основы чего-то другого, есть покушение на самое сокровенное. (*Пронзительно кричит.*) Такое покушение есть святотатство, и человека, его допустившего, необходимо распять. (*Злоеще, вытянув палец в сторону брата.*) Отрекись от своих мокрых камней, отрекись от их мнимого первородства, признай первородство рыбного ряда, рыбной торговли и рынка вообще; признай, безумец, или погибнешь ты смертью ужасной и страшной; ибо это говорю тебе я, Бри-тоусова, женщина из местного рыбного ряда!

З а о з е р с к и й (*вскакивая на скамейку, протягивая вперед руку*). Протестую, во имя науки и справедливости, – протестую! Проходят тысячелетия, гибнут цивилиза-

ции, сгорают в огне и вновь воскресают цветущие города, и только лишь они, – вечные камни, остаются незыблемыми и неподвластными разрушению! на камнях выбиты скрижали и эпитафии, из них отесаны могильные плиты и камни стен бесчисленных городов; ими мостят улицы и дороги; из них сложены пирамиды; под толщей вод неведомого океана хранят они тайну исчезнувшей Атлантиды; дом, построенный на каменном основании, переживает дом, построенный на песке; из камней построены Колизеи, театры, дворцы, бани, плотины, а заодно уж и ваши презренные рынки, на которых в рыбных рядах торгуете вы своим залежалым товаром; они, вечные и неподвластные времени камни, непрерывно растут, выталкивая вверх горы и континенты, являясь тем чудным перпетуум мобиле, тем вечным двигателем цивилизации и прогресса, на котором и вертится все на Земле; они, безусловно, являются главным изобретением Господа Бога, ибо из них, из каменного праха земного, создал Творец первого человека; они растут везде и повсюду, наполняя вселенную чудесной музыкой, названной по незнанию музыкой сфер; ибо даже они, хрустальные небесные сферы, сложены опять же из них, из драгоценных хрустальных камней; каменные планеты движутся в вышине под эту хрустальную и неслышную музыку; каменные кометы распускают по невидимым траекториям свои роскошные блестящие шлейфы; каменные дожди падают на землю метеоритным дождем; все это вместе называется жизнью, в которой немощному и непрочно-

му человеку, подвластному соблазнам, горестям и болезням, отводится совсем незаметная роль; и только лишь он, единственный, – закон всемирного роста камней, открытый мной в уединении и тиши, – властвует над миром, природой и человеком; а заодно уж и над вашими вонючими рынками, наполненными вашим залежалым товаром; камни протестуют против вашей торговли, они являются вечным укором вашему запаху порченной рыбы, и поэтому вы так ненавидите их, а заодно и меня, певца их каменной и незыблемой красоты; вот они, вот, – округлые и блестящие, белые, черные, зеленые и коричневые, – бесценное сокровище древнего мира, основа всего возвышенного и прекрасного!

Стоя на скамейке, подхватывает со стола горстями мокрые камни, и швыряет их вверх, в стороны, а также в лица очарованных слушателей.

Бритоусова (в гневе, зловеще простирая вперед руку). Или он, – или мы! третьего не дано! или рыночная торговля, – или прогулки вдоль моря в обществе старой лохматой шавки; во имя стабильности и мира под небесами, во имя торговли и благополучия государства хватайте безумца! таким злодеям место одно – на костре; несите дрова, рубите деревья, ищите огонь и смолу, очистим еретика от пагубных заблуждений; ответим на вызов таким же вызовом; если в последний момент не покается, то пусть сгорит синим пла-

менем; час пробил, и отступать нам теперь некуда!

А н т о н и д а И л ь и н и ч н а (неуверенно, показывая на белые простыни). Зачем жечь на костре, можно ведь и в лечебницу, как прошлый раз, отвезти. (Воодушевляясь этой идеей.) Вяжите больного, звоните в психушку, покончим с несчастным старыми методами! (Срывает с веревки белую простынь, бросается с ней к И о с и ф у Ф р а н ц е в и ч у.)

Б р и т о у с о в а (подхватывает лозунг). Вязать, так вязать, а все же лучше было сжечь на костре! (Срывает такую же простыню и также бросается вязать З а о з е р с к о г о.)

П о л и н а М а т в е е в н а. Делать нечего, если не повязать, то вся торговля прахом пойдет! (Присоединяется к т о в а р к а м.)

В а с и л и й П е т р о в и ч (деловито встает со скамьи). А я что? а я так же, как все; прости, сосед, но если уж общество порешило в психушку, то делать нечего, надо вязать! (Помогает вязать З а о з е р с к о г о.)

О к с а н а (весело). Не бойся, папашка, мы тебе передачи будем носить! Мы вместо тебя будем с Аркашей гулять у берега моря.

А р к а д и й (так же весело). Вот только поженимся, и сразу же в психушку с передачей придем; а потом непременно погуляем у моря! (Пытается поймать прыгающую О к с а н у.)

Б а й б а к о в (азартно). Во имя науки, – только вязать! Нам доморощенные Ньютоны ни к чему; мы во французскую

Академию писем не отсылали; мы зарубежных патентов получать не намерены! (*Азартно обматывает Заозерского простыней.*)

Бронислава Львовна (*так же азартно*). Он не только патент во Франции добивался, он еще и академиком стать собирался! (*Присоединяется к мужу.*)

Иосиф Францевич (*обмотанный простынями по рукам и ногам, с трудом забираясь на стол, звонким и торжественным голосом*). Будущие поколения оценят мою правоту! Во имя разума и торжества справедливости, – смеюсь над вашим безумством и косностью! Ко мне, жучка моя, ко мне, лохматая псина, подай голос в защиту хозяина; подай хоть ты, раз все другие окончательно озверели!

Присутствующие на мгновение отступают назад, неуверенно оглядываются по сторонам, но, никого там не обнаружив, вновь бросаются к плененному Заозерскому.

Явление шестое

Калитка открывается, и появляется почтальон с большим фирменным конвертом в руках.

Почтальон (с удивлением оглядываясь вокруг). Письмо из Парижа Иосифу Францевичу Заозерскому.

Заозерский (кричит). Открывай, открывай немедленно, это я, – Заозерский!

Почтальон (вскрывает конверт, вынимает оттуда большую красивую грамоту и ее перевод на русский язык; растерянно). Грамота какая-то, с печатями и золотыми рисунками; а это, очевидно, ее перевод на русский язык. (Читает бумажку.) «Этот патент выдан Иосифу Францевичу Заозерскому за открытие им закона всемирного роста камней. Вопрос о принятии во французскую Академию будет решен в Париже по прибытии автора. Секретарь Академии мэтр Флогистон.» Подпись, дата и большая печать.

Некоторое время стоит неподвижно, держа наотлете обе бумажки.

Присутствующие и словно окаменели в самых экзотических позах.

*Издалека, нарастая все громче и громче, приближается
радостный лай собаки.*

К о н е ц

1999